

Николай Старинщиков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Очевидец

Никто, кроме нас

Николай Александрович Старинщиков

Очевидец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625187

SelfPub; 2019

Аннотация

Коля Мосягин вечерами работает в мастерской у своего дяди, а днем учится на юридическом факультете – ему предстоит защита дипломной работы. Мосягин даже мысли не допускает, чтобы оказаться на государственной службе, поскольку собирается стать адвокатом. Вероятно, из него получился бы неплохой защитник по уголовным делам, если бы на его глазах не погиб бывший сослуживец, друг детства, Миша Козюлин. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	75
Глава 10	85
Глава 11	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Никогда не откладывай на завтра то,
что можно сделать послезавтра.

Марк Твен, американский писатель.

Глава 1

Работать можно даже в такой дыре, как ООО «Мастерская по производству нестандартного оборудования». В течение четырех с лишним лет я прихожу сюда вечерами, включая сварочный аппарат и работаю в полном одиночестве, поскольку днем я учусь в университете. Вечерами здесь никого, кроме сторожа. Здесь не донимают посторонними разговорами, а время летит здесь мухой: не успеешь приступить к работе, как пора возвращаться домой.

Выполнив обычную норму, я посмотрел на часы: шел двенадцатый час ночи. Потом сбросил с себя брезентовую робу, переоделся, распрощался со сторожем и заснеженной площадью пошел к центральным воротам. В советское время здесь размещались казармы, вместо мастерской был военный гараж. Однако наступили известные времена, воинскую часть сократили, и бывшие казармы передали городу. Вместо солдат здесь теперь городок правоохранителей – районное управление внутренних дел, прокуратура и суд, а также коллегия адвокатов. И здесь же, в местном полку по охране общественного порядка, работают мои лучшие друзья – Козюлин Мишка и Петька Обухов. Мы дружим с детсадовских времен.

Когда подошла нам пора служить в армии, вдруг стало ясно, что судьба разводит нас по разным концам страны. Мы,

естественно, не согласись с подобной постановкой вопроса: Мишка шел во внутренние войска, а мы с Петькой Обуховым – на границу.

Это было несправедливо. Мы явились к военному комиссару и запели про мужскую дружбу, которая идет едва не с пеленок.

Подполковник тут же решил нашу проблему. Так мы оказались во внутренних войсках – в горах, похожих на степь, потому что горы маячили лишь на горизонте. Зато мы были вместе.

И так эти горы маячили перед нами все два года, пока нас не уволили на гражданку в званиях старших сержантов. Однажды, впрочем, меня ударило в плечо, когда мы наткнулись на засаду во время зачистки какой-то деревни, и Козюлин Мишка вытащил меня из-под обстрела.

После армейской службы наши пути слегка разошлись. Мишку с Петькой потянуло в ментуру, а потом Мишка женился. Короче говоря, из нас троих теперь только я один на гражданке. Остальные двое прохлаждаются в ментуре...

Шагая утоптанной тропкой, я вырулил к зданию штаба. На высоком бетонном крыльце маячили двое в форме. По ступеням спускались еще трое. Среди них оказался Мишка Козюлин. Обухов был здесь же.

Мишка пожал мне руку. Обычно мы долго с ним разговариваем, однако на этот раз время его поджимало.

– Подбросишь? – спросил я.

– Без проблем...

Водитель сел за руль. Я скакнул следом за Мишкой, и машина двинулась в сторону улицы Жуковского. Благодаря подобной оказии я рассчитывал быстро добраться до дома. Мне уже чудился стакан кефира и постель, однако водитель проскочил перекресток. Подобный расклад, естественно, не входил в мои планы. Козюлин угадал мое настроение, и пояснил, что на обратном пути меня подкинут прямо до дома.

Голос у Мишки звучал уверенно. Остальные молчали.

Мы остановились возле кафе «Трактир у Дороги». Это была обычная забегаловка с ресторанными ценами. Питейное заведение работало сутками напролет, обслуживая проезжий люд, баб-одинок, шпану без царя в голове и прочих озабоченных. Окна в трактире светились ярко. На площадке у входа стояли машины разных марок, включая чей-то темный внедорожник.

Мы выбрались наружу и двинули к заведению. Я тащился позади всех, ни о чем не думая. Я просто устал и хотел спать.

Внутри оказалось накурено. Шашлычный запах перемешался здесь с запахом водки, вина, прелых тел и дезодоранта.

Какой-то «кабан» спортивной наружности бултыхался в дальнем углу за столом, разевая глотку. На вид ему было за тридцать, и я теперь каялся, что подсел к Мишке в машину, ибо шел бы теперь домой, вдыхая спокойный ночной воздух.

Если о чем и надо было мне думать, так это о защите дипломной работы. Мне уже чудилась адвокатская практика. Другие виды юридической деятельности, казалось, были созданы не для меня: остальное было слишком знакомо и осязаемо. Армейские будни до сих пор наплывали кошмаром, так что становилось не по себе.

Козюлин смотрел в сторону Кабана. Лицо напряглось и застыло. Казалось, Мишка готов был прыгнуть ему навстречу и тут же сцепиться.

Кабан бойко жестикулировал. Потом замолчал и посмотрел в нашу сторону. Овальное лицо, внушительный нос. Подобные носы бывают у спортсменов и горных жителей.

Через зал к нам торопился невысокий гражданин с дугообразными бровями и в черном костюме. Из нагрудного кармана у него торчал краешек носового платка. Вероятно, это был местный распорядитель.

– Моя фамилия Карапетян, – представился он. – Полюбуйтесь на него! Знать ничего не хочет, понимаешь... Пристает ко всем. – Карапетян перешел на шепот. – Говорят, это местный авторитет... Уберите его отсюда. Он же орет, понимаешь.

– Пишите заявление, – решил Мишка.

Карапетян моментально расстроился. На секунду он замолчал, сморщил лицо, потом стал верещать по-птичьи, без перерыва:

– Какое заявление, понимаешь! Слющай... При чем здесь

эта бумажка?! Завтра начальник придет и напишет. Хоть десять бумажек напишет тебе!.. Обязательно...

– Мне нужно одну, – хмурился Мишка.

Трактирная клиентура, расправив уши, с любопытством наблюдала за развитием событий, предвкушая бесплатный спектакль. В углу тем временем обозначилось буйное шевеление: Кабан дернулся кверху и пошел в нашу сторону, задевая столы. Гремела посуда, звенели вилки.

– Вам не меня ли?! – громко спрашивал он. – Вот он я весь! А ты, армянская душа, пока отдыхай!

Он раскинул руки, очередная стекляшка сорвалась на пол. Народ лихорадочно улыбался, блестя глазами в нашу сторону. Я инстинктивно поджался.

– Не надо меня держать! – Кабан отмахнулся от чьей-то ладони и встал рядом с нами.

В нем оказалось за метр девяносто, поскольку при моих ста восьмидесяти я смотрел на него снизу вверх. Кабанье копыто поднялось и уперлось Мишке в грудь – туда, где билось беспокойное сердце. Затем копыто стало напирать, сотрясая Мишку, словно боксерскую грушу. Кабан напрашивался на неприятности.

Мишка стоял изваянием, и это меня удивляло.

– Копыта убери, – отчетливо произнес один из ментов.

– Не понял! А ну повтори! – кашлянул Кабан, не оборачиваясь в сторону голоса. – Я хочу слышать!..

Он дурашливо сжался, подставляя ухо к Мишкиному ли-

цу.

– Перестань, здесь не цирк, – произнес Михаил, убирая с груди чужой кулак. – В чем дело?

– Дело? – Кабан вращал белками глаз. – А вот оно – дело!

Кабан обернулся к Карапетяну, положил на его покатые низкие плечи обе ладони и с силой швырнул от себя.

Распорядитель опрокинулся к двери, махая всеми конечностями. Кабан двинулся следом, и тут же у него на руках повисли двое в форме. А тот словно этого и ждал. Тараша глаза, он стряхнул с себя сержантов, а молоденького стажера, парня в штатском, опрокинул тычком ладони в лоб.

Это уже был, увы, не спектакль. Это было сопротивление, потому что у Кабана в ход пошли кулаки: армянин с расщепленной губой вновь полетел на пол, и теперь корчился у стены, собирая кровавые слюны в ладонь. И когда вновь мелькнуло копыто, норовя ударить Мишку в лицо, я вцепился обеими руками Кабану в запястье и крутанул в наружную сторону, добавив коленом меж ног.

Удар бедра достиг цели: Кабан всхлипнул, согнулся в дугу.

– Наручники! – требовал я, – Быстро!..

Металл торопливо хрустнул, однако Кабан развел руки в разные стороны, не давая защелкнуть вторую половинку наручников. Его свалили на пол, ухватились за ноги и волоком потащили на улицу.

Водитель, отворив заднюю дверцу, отскочил в сторону. В

ту же секунду возле «уазика» образовался затор: Кабан намертво прилип к стальному проему, раздвинув руки и ноги.

– Прикипел, зараза! – матерился водитель. – Сейчас мы его...

И в тот же миг его пятерня метнулась сзади Кабану между ног, норовя уцепить строптивые яйца. Древний прием сработал: Кабан моментально сжался, прыгнул в машину, и дверца с грохотом затворилась. Однако в ту же секунду изнутри посыпались удары.

Мы сели в машину и двинулись в сторону РУВД. Мужик грохотал железом, совал руку в оконце без стекол, норовя вцепиться мне в волосы.

– Куда мы едем?! – кричал он. – В лес?

– Ты угадал, – ответил Мишка. – Давно я хотел с тобой встретиться. Ох и давно...

Обернувшись, он пристально посмотрел в сторону задержанного. Казалось, еще секунда, и прозвучит дикая криминальная история, в которой Кабан играл первую скрипку. Точно. Он был местным авторитетом, а менты лишь искали повод для его задержания.

– Что за дикарь? – спрашивал я у Мишки. – Расскажи...

– Потом. Потом как-нибудь...

Меня колотило от происшедшего: по времени мне надлежало валяться в постели.

«Впрочем, если б не этот дурак, то всё было бы по-другому», – думал я, глядя в сторону задержанного.

Машина вернулась к зданию штаба и возле крыльца остановилась.

Мишка выпрыгнул первым, направился к задней двери. Заскрежетал замок, и тут меня оглушила целая серия то-ропливых и звонких петард. Оглянувшись, я обомлел: Кабан стрелял из пистолета в открытую дверь. Потом выскочил и продолжил стрельбу.

Водитель, деря пистолет из кобуры, кинулся наружу. Следом за ним последовал стажер. На крыльцо из РУВД выскочил парень с автоматом в руке. И тут же упал, не сделав ни единого выстрела.

С другой стороны к нам торопилась милицейская машина. Стажер бросился к ней, остановил, прося помощи, но экипаж повалил его в снег.

– Нас же там стреляют! – базлал от страха стажер.

Кабан тем временем, вздымая снежную пыль, летел в противоположный угол площади – туда, где висела табличка адвокатской конторы. Достигнув угла меж забором и зданием, он упал среди лип и стал зарываться в снег.

Со стороны милицейского полка к нему торопилась милицейская группа. Кабан вскинулся кверху, однако его повалили, застегнули на нем наручники и вывели на утопанную дорогу. Двухногий боров икал и хрюкал, плюясь разбитыми в кровь губами. Его завели по ступенькам кверху, и скрылись за дверью.

Миша Козюлин лежал без движений. Я пытался его тор-

мошить. Мишка! Дорогой мой друг Мишка! Очнись!..

Меня оттащили в сторону.

– Ему не поможешь... Не трогай.

– Не правда! Надо вызвать скорую...

Второй милиционер, держась за промежность, валялся возле машины. Третьего пытались поднять с крыльца. Четвертый зажимал рану на лице, ползая по ступеням. Нетронутыми остались лишь я да Петька Обухов.

– Пятерых, сука, успел! – говорил какой-то майор, бегая вокруг машины. – Ничего здесь не трогайте!

Поворота к обратному не было никакого, и в это было трудно поверить.

– Пятерых... – доносилось из радики в машине.

А скорая всё не шла. Она словно застряла на другой планете.

Но вот и пришла. Сразу две машины. А следом еще две.

Медики погрузили раненых и кинулись за ворота, оглашая окрестности ревом сирен.

А Мишка всё так же лежал на снегу, ко всему безучастный, белее снега. Зато Кабан продолжал где-то брызгать кровавой слюной и чавкать поганой харей.

Оперативно-следственная группа РУВД в растерянности бродила вокруг машины. Потом прибыл следователь прокуратуры и стал осматривать место происшествия, временами косясь в мою сторону.

От холода и пережитого у меня сверлило в пояснице и сво-

дило стопы. Нет больше Мишки Козюлина. Осталась лишь беременная вдова Люська Козюлина.

Мишку наконец положили в машину и отправили в морг. Рядом кружился Мишкин тесть – бывший оперативный дежурный РУВД, дядя Вова Орлов. И крутил головой, словно усталая лошадь в тесном хомуте. Потом подошел ко мне, пожал руку и вновь принялся ходить кругами.

До моих показаний никому не было дела. Я развернулся и пошел прочь со двора, чувствуя на спине взгляд дяди Вовы Орлова.

В последнее время я только и делал, что работал и учился, используя минуты свободного времени. Я собирался стать юристом – таким, может быть, как великий Кони А.Ф.

«Ловят маленьких воришек к удовольствию больших», – писал поэт Некрасов. Юрист Кони не стал мириться с подобным обыкновением.

Жила когда-то в столице одна баронесса по фамилии Розен. В монашестве – игуменья Митрофания. Кони уличил ее в подлогах с целью изыскания средств на пополнение монастырской казны.

Ещё было дело о великосветском игорном притоне гвардейского штаб-офицера Колёмина, а также дело петербургского мультимиллионера Овсянникова, обвиняемого в поджоге паровой мельницы. Овсянников привлекался к уголовной ответственности по пятнадцати уголовным делам и столько же раз был «оставлен в подозрении». На шестнадца-

тый раз – при новом суде и новом прокуроре – был полностью изобличен и сослан в Сибирь. Изобличен и сослан! Мультимиллионер! Полтора века тому назад...

Придя домой, я разделся и лег в постель, не говоря ни слова.

В соседней комнате беззвучно спала моя матушка Анна Степановна.

Глава 2

Так началась для меня суббота, одиннадцатого февраля, а в десятом часу того же дня я сидел в кабинете прокуратуры. Следователь был тот же самый, что ночью осматривал Мишкин труп, и звали его Дмитрий Геннадьевич Вялов. Фамилия, впрочем, абсолютно не вязалась с его профессией.

Следователю было за сорок. Под глазами мешки. Вороша на столе бумаги, он курил, роняя повсюду свой пепел.

– Не могу взять в толк, – удивлялся Вялов. – Привезли как человека, а он за пистолет...

Действительно, Кабана увезли от греха подальше. Но тот вытащил пистолет и начал стрелять, словно он в тире.

– Говорят, у него коттедж в частном секторе, – подумал я вслух.

– Коттедж? – Вялов уставился на меня. – Точно, в районе Майской горы.

– Поэтому я не хочу, чтобы обо мне знали раньше времени, – выдавил я из себя.

– В смысле?

Никотин и бессонная ночь лишили Вялова логики. Он не хотел понимать очевидных вещей.

– Где коттеджи – там братки, – рассуждал я.

– Ну... И что?

– При таком раскладе дожить бы до приговора...

Следователь елозил глазами по столу. Потом снова закурил, поднялся из-за стола и стал ходить по кабинету.

Я никогда не курил и был вынужден дышать канцерогеном. Хотя, если разобраться, это было абсолютной мелочью по сравнению с ночным происшествием.

– Выходит, что ты боишься, – подвел черту Вялов, насыщаясь дымом.

Я не спорил. Пусть думает. Зато я исполню свой долг.

– Ты у нас кто? – рассуждал Вялов. – Ты у нас обычный гражданин. А показания гражданина в суде многого стоят. Твои показания для дела имеют принципиальное значение. Эти показания решающие.

Следователь вернулся в кресло.

Я стоял на своем:

– Мне хочется, чтобы обо мне не узнали раньше времени.

– Согласен. Идем к прокурору...

Вялов раздавил сигарету в пепельнице и поднялся.

Пеньков Владимир Петрович, прокурор района, оказался не лучше следователя – ему хотелось показаний прямо здесь и немедленно. Мало того, он почему-то стал утверждать, что ночной стрелок Паша Коньков, будучи спортсменом-биатлонистом, за всё время мухи не обидел. Прокурор произнес это так, словно Паша был в прошлом герой, и теперь этот герой оказался на осадном положении.

Было странно слышать эту ересь от прокурора. Тем более что с утра я забежал к оперативнику Блоцкому, и тот расска-

зал мне, как полгода назад против Паши возбуждали уголовное дело, потом дело с помощью прокурора развалили, хотя светила Конькову целая пятилетка. Короче, о Паше тюрьма плакала горячими слезами.

– Что же нам делать с тобой? – мямлил картавый прокурор.

Я молчал.

– Бояться в общем-то нечего, – рассуждал прокурор. – Коньков за руками теперь.

– Я сказал о своих условиях, – продолжал я. – Абсолютная анонимность.

Слова попали в цель. Прокурор побежал глазами по книжным полкам.

– Где-то был у меня закон, – бормотал он. – Их же пекут как блины в Госдуме, а денег не выделяют...

Прокурор поднялся и пошел вдоль мебельной стенки, выудил меж толстых томов тонкую кипу листов.

– Распечатка, – сказал он. – Один экземпляр. Но защита будет против, заметьте... Дело в том, что, по большому счету, это ведь нарушение прав обвиняемого – он же не будет знать, кто против него дает показания. Согласитесь, это не совпадает с конвенцией...

Перед глазами у меня вдруг мелькнул и пропал Миша Козюлин. Опер Блоцкий рассказывал, что Мишка умер сразу. Пуля пробила бумажник с денежными купюрами, потом сердце и ушла навывлет. Зато прокурор теперь пел про защи-

ту обвиняемого.

– Перебьётся, – произнес я, обрубая прокурору пути для маневра.

– Это я так, – смягчился тот. – Может, мы сами чего-то еще не знаем. Пусть так и будет... Пишите заявление на мое имя, и мы присвоим вам псевдоним. И будем допрашивать вас в суде с помощью зеркальной комнаты, которой пока что нет.

У меня глаза полезли на лоб. Сообщение удивляло своей обыденностью.

– Зеркальную комнату пока что нам не построили, – продолжал прокурор. – Но псевдоним мы вам обеспечим, об этом не беспокойтесь... Почитайте закон. И возвращайтесь с заявлением.

Вместе со следователем мы двинулись к выходу из кабинета.

– Как бы то ни было, – произнес мне вдогонку прокурор, – вы должны дать показания сегодня же. Как нам вас называть в таком случае?

Он действовал мне на нервы, но я промолчал.

– В таком случае прямо так и запишем...

Я напрягся, не понимая хода его мыслей.

– Сидоров Петр Иванович! – картаво орал он вдогонку. – Устроит вас псевдоним?!

Если б меня назвали горшком, даже и это меня устроило бы, потому что торчать у бандитов на виду не входило

в мои планы. Неискушённый в хитросплетениях практической юриспруденции, я пока ничего другого придумать не мог. Однако природная интуиция подсказывала, что именно так и следует поступить.

Мы вернулись к Вялову в кабинет и стали писать показания. В графе фамилия стояли теперь не мои данные, а Сидорова Петра Ивановича. В псевдониме, придуманном прокурором на скорую руку, чувствовалась насмешка.

– Вообще-то ты прав, – говорил теперь следователь. – Возможно, я и сам поступил бы так же, окажись на твоём месте. Короче говоря, не стесняйся и действуй на полную катушку, потому что, кроме тебя, действительно больше некому...

Следователь теперь не казался мне ни сонным, ни вялым. Мы записали в протокол все обстоятельства дела – вплоть до того, как я вернулся домой. Отметили даже факт, что убийца назойливо спрашивал, куда его везут.

– Прикинь. – Следователь перешел вдруг на «ты». – Он теперь утверждает, что менты возили его в лес...

– Куда?

– Зинин Саня, – сморщился Вялов, – адвокатишка хромоногий... Короче, научил говорить про лес. Больше придумать ничего не смог... Мол, что в лес возили – мозг освежить... А по времени не совпадает. Мы уже проверяли, армянина трактирного допросили, – а не выходит. Короче, твои показания подтверждают нашу версию, так что обвинение по триста семнадцатой будет верным – посягательство на жизнь

работника правоохранительного органа.

– Нескольких, – добавил я.

– В этом ты прав, старина, прости...

Следователь опять потянулся к пачке с сигаретами, но та оказалась пустой. Вялов откинулся на спинку кресла, затем поднялся, подошел к окну и прикрыл форточку.

– Никак не пойму, – рассуждал Вялов. – Неужели решил с пьяных глаз, что не в милицию его привезли, а в лес?

– Ничего не могу сказать, – ответил я, поднимаясь.

Вялов подошел к столу, сгреб тонкие листки ксерокопии закона «О защите потерпевших, свидетелей и других лиц» и протянул мне.

– Читай...

Взяв бумаги, я развернулся и шагнул к двери.

На столе у следователя лежал протокол допроса, подписанный вымышленной фамилией, а также мое заявление о предоставлении государственной защиты и постановление о сохранении в тайне данных о моей личности.

Постановление было помещено в конверт – на нем теперь были оттиски прокурорской печати. Статья, по которой собирались обвинить Пашу Конькова, сулила этому паразиту лишение свободы на срок до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы. С учетом количества потерпевших и моратория на смертную казнь, оставалось надеяться, что пожизненное лишение свободы этому поросенку обеспечено.

Глава 3

Я вышел в коридор, опустился на первый этаж и тут столкнулся с Мишкиным тестем.

– Вот ты где, а мы тебя ищем повсюду, – говорил он угрюмо. – Дело в том, что Люда пока что ничего не знает – она же в больнице...

– Я в курсе. На сохранении...

Дяде Вова мялся на месте. Это был невысокий круглый мужик, похожий на прокурора Пенькова, но только не картывил.

– Аккуратнее надо, – рассуждал дядя Вова. – Как-нибудь так, чтобы не сильно ее травмировать – ей же скоро рожать.

– Человек в морге, а жена до сих пор не знает... – шипела. – Удивительно мне, дядя Вова...

Он заранее ставил меня в тупик, надеясь на «как-нибудь». Ухватив меня под руку, повел наружу к своему «Жигуленку». А уже через полчаса мы входили в вестибюль центральной больницы. Навстречу нам еле двигалась жена дяди Вовы. Тетку Елену трясло, из глаз сочилась влага. Орлова прикладывала к ним сырой платок, избегая смотреть в сторону мужа.

– Коленька, – всхлипнула тётка, – как-нибудь, потому что мы не в силах, боимся... Семь месяцев сроку всего...

Дядя Вова стоял возле меня и мотал головой, словно ло-

шадь.

Мы поднялись на третий этаж, узким и длинным коридором прошли до конца и остановились перед закрытой просторной дверью.

– Как-нибудь так, – напутствовала Орлова.

Я потянул на себя дверь, без стука, словно каждый день здесь хожу.

Помещение оказалось ординаторской. Втроем, толпясь, мы вошли внутрь и остановились. Следом за нами медсестра привела под руку Людмилу. Халат на ее животе возвышался горой.

– Люсенька, – всхлипнула мать.

Двое мужиков в белых халатах, что сидели по углам за столами, напряглись. Потом встали и подошли к нам.

– Что случилось? – спросила Людмила. – Бабушка? Дедушка?

Людмилу усадили в просторное кресло.

– С ними всё хорошо, – продолжала тетка Елена. – И с дедушкой. И с бабушкой...

– Неправда, – перебила дочь. – Миша мне после смены звонит с утра, а сейчас почему-то нет. Что с ним? Где он? Что с бабушкой? Говорите, не бойтесь, я выдержу...

Я присел на край кресла и взял Люську за руку, как делал это когда-то очень давно, еще до службы. И вновь ощутил тепло, идущее от нее.

– Тут такое дело, – начал я и понял, что тяну kota за

хвост. – С вашими стариками всё в порядке. Дело в том, что Мишку убили...

Лучше б я не говорил этого никогда! Пусть другой кто-то сказал бы, но не я, потому что видеть, как плачет беременная, выше всяких сил.

Заплакали в голос и старшие Орловы. Дядя Вова широкой ладонью размазывал слезы по лицу.

– Где он?! – кричала Людмила. – Я хочу его видеть!

– В морге, – отвечал я.

– Отвезите меня! Я хочу быть с ним!

– Вам нельзя, – бормотали медики. – Вы в положении и это чревато...

– Знаю! Но я жена, и мне надо!

– Ты не одна, Люсенька, – напомнил я. – У тебя ребенок.

– Я понимаю... Заберите меня отсюда.

Не было в мире сил, способных оставить Людмилу в стенах больницы, и медики согласились. Один из них накручивал телефонный диск. Другой, торопясь, писал на клочке бумаги.

– С вами будут дежурить медики, – сказал тот, что писал. – Об этом просил ваш начальник управления. Хотя мы, естественно, не советуем. Будьте всё же в квартире. Не покидайте жилище...

Людмила, утирая слезы платком, молча соглашалась. Она сильная и всё понимает.

– Вас отвезут на нашей машине, – обещал другой медик. –

Можете собираться...

Вскоре мы возвращались домой на больничной машине. «Жигуль» дяди Вовы тащился позади нас, колотясь на каждом ухабе.

Минувшая ночь казалась кошмаром. Я рассказывал Людмиле о происшедшем, а та вновь плакала, вспоминая какие-нибудь детали.

– Почему так случилось? – спрашивала она. И вдруг улыбнулась, услышав имя убийцы. Казалось, у нее уже зрел план расправы.

– Сам не пойму, что его заставило, – говорил я. – Причины, поверь, никакой...

Мы прибыли на улицу Оренбургскую, поднялись на пятый этаж и вошли в квартиру Орловых. Здесь мы были с Мишкой не так давно. Шли мимо и решили зайти к его тестю. Купили бутылку водки, закуску и ввалились без приглашения.

«Теперь не с кем будет сюда приходить, – подумал я отрешенно, – нет больше Мишки Козюлина...»

– Уж ты, Коля, нас не бросай, – говорила тетка Елена.

Я обещал, что не брошу, никогда не забуду их семью и помогу. Другие мысли не шли в голову. И тут же вставал в памяти окровавленный образ Паши Конькова – убийцы моего лучшего друга. Наверняка тот искал выход из щекотливого положения, поскольку наверняка теперь знал, какая мера ответственности его ожидает.

А двенадцатого числа, назавтра, мы поехали за Мишкой в морг. Привезли его в гробу и поставили в квартире у тестя. Тут же была его мать, Вера Ивановна, жившая теперь на севере города. Сели, горюя об утрате и вспоминая, как ходили когда-то в детский сад, потом в школу, как позже служили в армии.

Потом пришел Петька Обухов. Судьба его пощадила, и человек, не скрывая, радовался. Меня могло тоже задеть, но я старался молчать об этом.

К вечеру мы разошлись, оставив родню одних коротать время. Людмила тоже осталась дома. Она наотрез отказалась ехать в больницу, хотя роды грозили случиться с минуты на минуту. Две фельдшерицы разного возраста постоянно находились в квартире.

Назавтра, едва рассвело, гроб с телом переправили в милицейский полк, установили в вестибюле, а часу в одиннадцатом началась процедура прощания: начальник УВД генерал-майор Лукин направил сюда офицеров, собравшихся из разных концов области. Люди в форме хмурились в сторону гроба. Нелепость происшедшего поражала каждого. Побывав трижды на Северном Кавказе, Козюлин Мишка получил пулю у себя на родине – из газового пистолета, переделанного под боевой.

– Обыскивать надо, – бубнил чей-то голос у меня за спиной. – Говорю, надо обыскивать, прежде чем сажать...

Видел бы этот нудило, как мы сажали Пашу Конькова в машину! Но мужик не видел, и оттого считал себя умнее всех.

В первом часу похоронная процессия двинулась на городское кладбище, к аллее Славы. Людмила на похороны не поехала, поскольку медики в голос упрашивали не ехать ради ребенка.

Поминальный обед состоялся в столовой городка правоохранителей. Народу было много. Мы с Обуховым выпили, по пути домой купили еще бутылку и зашли ко мне. Нас оставалось двое, и мы собирались держаться друг друга.

В голове временами гремел оркестр, доносились удары мерзлой земли о крышку гроба.

Глава 4

А на следующий день мне позвонил дядя Вова Орлов и сообщил новость, что Люда родила мальчика, что с новорожденным всё в порядке, и что молодая мама чувствует себя хорошо.

Я позвонил Пете Обухову, передал новость. Следовало отметить это обстоятельство – навестить роженицу, вручить ей подарки, поздравить и утешить. Однако Петя почему-то отделался общими фразами. Впрочем, сообщил, что в милиции об этом уже известно, что с личного состава собрали сумму денег, и что руководство тоже думает ехать в больницу и вручать подарки.

Я положил трубку. Потом снова поднял, позвонил Орловым и попросил, чтобы они меня взяли с собой, когда соберутся навещать дочь.

– В роддоме сейчас карантин из-за гриппа, – сказала тетка Елена. – Увидитесь позже...

На пятый день я всё же стоял у входа в роддом. В строгом костюме и цветами в руках. Рядом со мной мялся Петя Обухов. На нем тоже был гражданский костюм. Остальные, кто в форме, кто в штатском, стояли по углам. У выхода стояла новая коляска, купленная на собранные деньги, а на улице поджидали два автомобиля, выделенные командиром полка. Сам командир с заместителем были тут же.

Коридорная дверь отворилась, оттуда вышла дама с ребенком на руках. Рядом с ней шагала Людмила. Петя Обухов кинулся к ней, опережая меня.

Однако Людмила прошла мимо него, остановилась напротив меня. Протянула руку и тихо поздоровалась. Потом приняла цветы и велела забрать ребенка у тетки в халате.

– Поздравляю вас, папаша, – по привычке сказала та. Потом спохватилась и стала поправлять положение, но слова прозвучали, и возникла минутная неловкость.

Людмила не заплакала, лишь грустно улыбнулась. И я понял, что целью жизни для нее теперь станет ребенок.

Мы сели в машину и поехали к ее родителям. Ребенок по-прежнему был у меня на руках, а коляска ехала в багажнике служебной командирской «Волги».

У подъезда толпился народ. Всем хотелось узнать, как выглядит женщина, схоронившая мужа и тут же родившая ребенка. А может, я ошибался, и люди собрались у подъезда из чистого сострадания и любви. Милицейский криминалист снимал нас на видеокамеру – цветы, счастливую мать и объемистый сверток в моих руках.

Разумеется, в этот день мы порядочно посидели у Орловых. Обмыли ножки новорожденному, помянули его отца. Всё заодно, потому что сроки совпадали. Девять дней... Уже девять, как не стало Михаила...

– Приходите на сорок дней, – приглашала тетка Елена.

Присутствующие соглашались, а Мишкина мать постоян-

но плакала и крестилась, глядя на икону Спасителя. Младшая ее дочь, впрочем, почему-то отсутствовала. Этот вертлявый подросток порядком когда-то мне насолил.

– А где ваша Надя? – спросил я у Веры Ивановны.

– Так она же учится далеко – в другом городе... – отвечала та, моргая мокрыми веками.

Глава 5

К концу февраля уголовное дело против Паши-Биатлониста приостановили ввиду назначенных экспертиз, и меня больше никто не беспокоил. Все это время я использовал на благо собственного просвещения. Меня, как будущего адвоката, интересовало не только то, как правосудие было устроено в прошлом, но и то, как люди в то время ладили между собой. И чем больше я углублялся в этом направлении, тем больше удивлялся. Оказывается, и тогда были свои герои в области права, и случались не просто стычки, но и острые столкновения – в том числе, скажем, между министром юстиции и вице-директором департамента.

К тому времени усилилась революционная пропаганда в виде «хождения в народ», среди народа распространилась антимонархическая, антипомещичья литература.

– Драть их надо! – кричали в великосветских салонах, отдаваясь сладким мечтаниям о розге...

Так пролетели у меня почти что два месяца, однако к концу апреля все экспертизы по делу были закончены, и следствие вновь приступило к допросам. Паша Коньков, именуемый в народе как Биатлонист, изо всех сил старался уйти от ответственности, прячась за юридические препоны. Несмотря на его старания, вместо привычной почвы под ним теперь была горячая сковорода, пахло жареным: следователь Вялов

не забывал о своих полномочиях, стараясь закончить дело в срок.

Три адвоката, призванных защищать подлеца, тоже всю старались. Усердия эти порой заключались в том, что кто-то из защитников не являлся на следственное действие, и Вялову приходилось откладывать мероприятие на очередную дату.

И всё же следственная повозка двигалась. А в РУВД даже успели к этому времени соорудить помещение для анонимных допросов. И как только в стену «зеркальной комнаты» завернули последний шуруп, Вялов в тот же день вызвал меня на очную ставку.

Оставив дипломную работу, я собрался и двинул в сторону РУВД, совершенно не представляя, как войду в помещение. В милиции знали обо мне, как об одном из важных свидетелей, так что уверенности у меня не было никакой, что будет соблюдена полная анонимность.

Биатлонист Паша был негодяем. И мне изо всех сил хотелось посмотреть в его рожу, когда суд провозгласит убийственный приговор. В эффективность правовой системы тогда я сильно верил.

На мне были массивные солнечные очки, и я их не снял, когда вошел в кабинет к Вялову. Но тот узнал меня и сказал, что это я правильно сделал, прикинувшись слепым.

Естественно, эти слова удивили меня. Вялов поднялся из-за стола, подошел к шкафу и вынул изнутри тонкую трость

с медным набалдашником.

– Пользуйся, – сказал он. – В сочетании с твоими очками – стопроцентный прикид. А ну, щелкни палочкой, будто идешь по мостовой. Пусть все видят в тебе калеку. Это у них останется в мозгах навсегда. Потом вернешься ко мне и выйдешь опять нормальным.

Предложение было дурацким, но я согласился. Мы вышли из кабинета, спустились вниз и едва не в обнимку прошли площадью к штабу РУВД: «зеркальная комната» располагалась именно там – в специально оборудованном помещении.

Следователь завел меня в небольшую комнату, усадил перед стеной с экраном и вкратце объяснил, чем я должен здесь заниматься, сидя за столом. Передо мной находился микрофон, видеокамера и еще какая-то аппаратура.

– Твой голос будет изменен, – пояснил следователь. – Я сделаю запись на видео, чтобы предъявить суду, так что уж ты постарайся. И не делай самостоятельных телодвижений – сиди, пока я тебя отсюда не заберу. Запомни, о тебе знаю только я.

– И еще Пеньков.

– Кто? Ах да, прокурор тоже знает, хотя это не имеет никакого значения.

За стеной послышалось шевеление.

– Уже привели? – удивился я.

– Это понятые, – пояснил Вялов. – Сначала мы проведем опознание, а потом, когда понятые уйдут, проведем очную

ставку. При опознании будут сидеть трое человек, таких же по возрасту, в одинаковой одежде. И даже цвет волос у них будет одинаковый.

Он говорил банальные истины. Однако со мной это было впервые, и меня слегка потряхивало от напряжения.

– Не мандражируй, Коленька, – похлопал меня по плечу Вялов. – Пусть его самого колотит, а мы на него вместе посмотрим.

Он вышел из комнаты и вскоре образовался по ту сторону экрана. Вдоль стены стоял ряд стульев – на них сидели трое мужиков лет под тридцать, среди которых я узнал Пашу. Из него словно бы выпустили воздух, а на лицо наделю маску послушного гражданина. Верьте мне, люди! Верьте, присяжные заседатели! Перед вами жертва несправедливости.

Вялов сел за стол, уставленный аппаратурой. Справа от него находился еще один зеркальный экран, за которым, вероятно, находились понятые, потому что в комнате, где сидел обвиняемый, их не было. Зато тут же сидели, вертя головами, трое защитников – они сидели задом ко мне.

– Сегодня мы проведем опознание обвиняемого, – объявил Вялов и стал знакомить участников следственного действия с их правами и обязанностями. Потом предупредил меня об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний – его голос звучал из динамика.

Я ответил, глядя в камеру, что от дачи показаний не от-

казываюсь и расскажу всё так, как видел собственными глазами.

– У нас ходатайство, – дернулась передо мной одна из голов. – Мы желаем видеть свидетеля, задавать ему напрямую вопросы – так поступают во всем цивилизованном мире...

– Действительно, – поддержал второй. – У нас принцип состязательности, и мы не можем защищать обвиняемого при таких обстоятельствах, поскольку не видим свидетельских глаз – может, он врет.

– Лапшу вешает... – добавил чей-то невидимый голос.

– Вот именно.

Защита напрашивалась на комплемент, но я промолчал.

– Еще ходатайства имеются? – спросил Вялов. – Нет? Тогда запишем ваше ходатайство в протокол.

Он придвинул к себе клавиатуру компьютера, наклонился и стал щелкать по клавишам. Потом распрямил спину и объявил, что ходатайство, как не имеющее под собой основания, отклоняется.

– Но как же, – произнесла одна из голов.

Но следователь был неумолим:

– Закон делает приоритетной защиту потерпевших и свидетелей, так что пора бы знать. А теперь приступим к опознанию.

Вялов посмотрел в мою сторону и продолжил:

– Вопрос очевидцу происшествия. Знаете ли вы лиц, сидящих перед вами? Если знаете, то при каких обстоятель-

ствах познакомились?

– Из троих я знаю только одного, сидящего посредине. Его фамилия – Коньков Павел, по кличке Биатлонист. О нем я узнал одиннадцатого февраля.

– По каким приметам вы его узнали? – продолжал следователь.

– Этого борова трудно не узнать, – произнес я, внутренне содрогаясь. – У него на харе написано, что он животное.

Один из лысых обернулся, бегая глазами по зеркальному экрану, но ничего не увидел. И стал орать, что он протестует. Остальные его поддержали.

– Петр Иванович, Петр! – поднял обе ладони Вялов, называя меня вымышленным именем. – Мы же договорились! Понятно: вы сами едва не стали жертвой, но всё же – скажите! По каким приметам вы его узнаете?

– По носу. Такие носы бывают у спортсменов, а также у людей кавказской национальности, хотя, говорят, такой национальности не существует.

– Можете пояснить?

– Такими носами хорошо дышать при беге на дальние дистанции.

– А! Понятно. И еще по каким приметам?!

– По строению черепа, – вновь не выдержал я. – Подобным рылом хорошо зарываться в землю либо в снег.

Двое статистов, что сидели по бокам от Паши, весело ухмылялись.

– Он это был! – выкрикнул я. – И зовут его Паша Коньков! Больше мне нечего вам сказать!..

– Вот и хорошо, свидетель, так и запишем, – согласился следователь и вновь принялся щелкать кнопками.

– Естественно, он изменился с тех пор, похудел, – продолжил я, – Но это он...

Теперь это был уже не кабан. И даже не поросенок. И это радовало. Паша переживал за собственную шкуру. И оттого исхудал до крайности.

Покончив с опознанием, Вялов приступил было к очной ставке, но адвокаты заупрямились. Им требовался перерыв – покурить, сбегать в туалет, а также поговорить с подзащитным.

– Хорошо, – согласился следователь. – Конвой!

Дверь отворилась, в помещение вошли трое парней в милицейской форме. На Пашу надели наручники, вывели в соседнюю комнату...

Очная ставка наконец началась. Паша гундосил про то, как его, безвинного человека, милиция привезла в ближайший лес.

– На этом месте подробнее, – требовал Вялов. – Привезли, значит, в лес... В какой, если не секрет? И что было дальше?

– Стали унижать мое мужское достоинство, – сочинял Паша. – Что я как бы гомик. Типа, до сих пор не женат...

– Вот оно что, – ухмылялся Вялов. – Гномик...

– Гомик, – поправил Паша. – В том смысле, что голубой.

– Понимаю. Продолжайте...

И Паша продолжил. По его показаниям выходило, что потом его опустили в снегу на четыре конечности и заставили нюхать дорогу.

Следователь качал головой.

– Для чего дорогу-то? – серьезно спрашивал он.

– Вместо овчарки, – пояснил Коньков.

– Этот момент понятен, хотя раньше вы говорили немного иначе. Вас поставили к стенке и хотели расстрелять за неповиновение.

– Это уж как бы позже, потому что сначала с меня просили бабок – я ведь предприниматель. У меня коттедж, и всем кажется, что на таких, как я, можно нажать...

С грехом пополам Паша обрисовал картину «посещения леса» и приступил к описанию преступления. Тут у него вообще гладко вышло. Тем более что ничего придумывать не приходилось. Поняв, что вырваться из милицейских уз ему не удастся, Паша открыл стрельбу. Выходило, что перед этим ему грозили гестаповские застенки – с пыточной камерой, средневековой дыбой и другими инструментами членовредительства, включая «испанский сапог», а также тиски, надеваемые на голову.

После Пашиных показаний мне предложили задать ему вопрос. И я спросил у фантаста, где находится тот лес, в который его возили на «поправку» здоровья.

– Кажись, это было за Майской горой. – Паша напряг лицо. – Точно. Именно там, потому что мы ехали через переезд, и я его запомнил. Потом повернули вверх – мимо моего коттеджа.

– А куда именно? Налево или направо? – спросил следователь.

– Налево.

– Но там же строения.

– Если оттуда ехать, то будет налево, – крутил Биатлонист.

– И сколько вы там находились? – снова спросил я.

– Около часа, – уверенно ответил Паша.

Это походило на дурной спектакль. Главный герой и его режиссеры никуда не годились. Мои показания были иными, включая момент стрельбы. И это совпадало по времени.

Как бы то ни было, адвокаты битый час мусолили тему поездки в лес, с серьезным видом задавая поочередно то мне, то Конькову одни и те же вопросы. Это походило на выкручивание рук. Вялов терпел до тех пор, пока один из них вдруг не заявил, что подзащитного, вероятно, в лесу изнасиловали, пустив по кругу.

– Очная ставка закончена, господа, – холодно произнес Вялов. И добавил: – Обвиняемый лично ничего об этом не говорит. Закончим на этом. Ходатайства?

Ходатайств не было.

– Вопросы?

Защитники опять промолчали.

Покончив с оформлением протокола, следователь вызвал конвой, и Пашу опять увели.

Дождавшись, когда все выйдут из помещения. Следователь собрал свои вещи, сложил в портфель и выключил аппаратуру. Потом подошел к «зеркалу» и подмигнул мне.

– Как ты там? – спросил он.

– Пока жив.

Вялов отворил дверь. Взял меня под руку и повел длинным и пустым коридором к выходу из здания. В противоположном конце коридора, у двери, ведущей к камерам для задержанных, в мою сторону с любопытством смотрели сразу несколько человек, включая Пашу Биатлониста и троих защитников. Конвой почему-то не торопился заводить арестованного в камеру. Вот вам и псевдоним с анонимностью. Я ровно держал голову и старательно стучал тростью о бетонный пол.

Площадью мы никого не встретили. Поднялись в кабинет Вялова. Здесь я сдал свой «шанцевый» инструмент – трость.

– Очки советую снять, – сказал Вялов. – Слишком они у тебя заметные, но в следующий раз всё же не забудь их прихватить.

Дело это, анонимность свидетеля, для Вялова было новое, так как закон о защите свидетелей еще только обкатывался, так что Вялову по ходу дела приходилось подстраиваться под его требования.

Глава 6

Я возвращался домой, когда в кармане вдруг запел сотовый телефон. Несмотря на привычную мелодию, звук его казался зловещим. Дело в том, что мало кто знал мой номер. День был необычный: я чувствовал себе как выжатый лимон.

Голос в трубке отдавал металлом и требовал изменить показания. Подобные голоса бывают у бригадиров, ментов и придурков.

– Кто со мной говорит, я что-то не въеду? – прикидывался я.

Вопрос мой не был услышан. Голос утверждал, что если я не изменю показания, то на моей поганой жизни можно поставить жирный крест.

– Какие еще показания! – воскликнул я.

Голос кашлянул и продолжил внушать, что мне следует сказать хотя бы о том, что по пути в РУВД милицейский патруль брал Пашу на испуг, обещая отвезти в лес. Словно Паша-Биатлонист мог чего-то испугаться.

– Вы не представляете, о чем говорите! – крикнул я, так что девушка, идущая навстречу, шарахнулась к обочине. – Меня самого потом же посадят!

– Это ничего, – пел голос. – За подобные дела дают мало, зато в кармане у тебя появятся бабки. Ущучил? Скажешь, стояли по пути... Минут пять. Ментам не поверят. Тебе –

другое дело.

– А если я откажусь? – набрался я смелости.

– Будешь ходить вперед пятками...

– Послушай, а не пойти бы тебе к дедушке! Или к бабушке!

Голос в ответ что-то мямлил.

– И больше мне не звони, – говорил я, развивая идею. – Сидит под колпаком и еще квакает. Кого ты пугаешь, старрида маринованная. Не звони мне больше никогда...

– Не туда рулишь, – удерживал меня голос.

– Видал я таких жуков...

Я нажал кнопку отбоя. Кому-то хотелось получить от меня ложные показания, оставаясь в тени. Впрочем, неизвестному абоненту не доставало красноречия, чтобы уговорить меня на этот подвиг. Я продолжил свой путь, твердо веря, что мой друг Миша Козюлин, а также остальные четверо раненых, которых я толком не знал, не заслуживали, чтобы о них вытирали ноги.

Телефон оставался у меня в руке. Не останавливаясь, я тут же набрал номер Пети Обухова. А когда услышал голос, то обо всем ему рассказал – вплоть до того, как вел себя на допросе убийца.

– Прикинь, – возмутился я. – стоило выйти на улицу, как мне тут же звонят и требуют изменить показания. Откуда у них номер моего телефона?!

Петька громко чавкал в трубку, и я не сдержался:

– Перестань жрать, ментовская морда!

Подобное обращение было обычным во время нашей армейской службы во внутренних войсках.

– Надо подумать, – ответил Петька.

– Нет, Обухов, ты мне ответь. Ты ехал с нами тогда, и только случайность спасла тебя от смерти! Откуда утечка информации?!

– Из прокуратуры, – ответил тот уверенным голосом.

– Точно?!

– А ты как считаешь? – вывернулся он. – Я, например, даже не знал, что у тебя сегодня очная ставка. Даже если бы захотел, не смог бы тебя выдать.

Петькины доводы звучали логично. Конечно, не смог бы. Да и сам он проходит по делу свидетелем. Однако ему не звонят, потому что он мент, а взялись за меня.

– Тебя же здесь многие знают, – продолжил он. – И потерпевшие, и свидетели.

– Ты там посмотри. Иногда взгляд выдает человека...

Обухов обещал посмотреть. Мало того, он заверил, что если только на меня опять наедут, то я должен буду ему позвонить, и неизвестный абонент тут же накроется медным тазом.

Слова друга детства легли как бальзам на издерганную душу, и я отключил телефон.

Добравшись до дома, я похлебал супа, съел отбивную котлету и сел за письменный стол. Однако дипломная работа не

шла в голову. Паша Коньков был не просто Биатлонист. Это был явный приверженец силовых методов решения проблем, иначе не стал бы стрелять. Подобным поведением, впрочем, не славился ни один из местных бандитов. Паша, выходит, перепрыгнул всех остальных...

Действительно, думал я назавтра, рассказать обо мне мог кто угодно, так что доверять надо лишь Пете Обухову. Проболтаться могли как в милиции, так и в прокуратуре, включая прокурора Пенькова. Показали ему пачку зеленых – у того и слюни вожжой. Ведь он, по сути, оправдывал Биатлониста.

Я набрал номер квартиры Орлова, но чей-то мужской голос ответил, что звонить мне надлежит по другому телефону и продиктовал номер. Перезвонив, я услышал знакомый голос, стал рассказывать о звонке незнакомого абонента и тут понял, что застал Орлова врасплох.

– О подобных случаях, случаях... – тянул он нить разговора. – Мне лишь в кино, в кино приходилось видеть... Чтобы вот так, вот так позвонить и требовать – так что извини. Чтобы взять и начать шантажировать...

– Как мне поступить? – спрашивал я наугад.

– Ну да, это касается моей дочери, и я должен тебе подсказать. Но, если честно, не знаю, Коля. – Он замолчал и потом вдруг оживился: – Звони прокурору. Они же обязаны обеспечить безопасность. Почитай закон, закон, чтобы знать

конкретно. Ты понимаешь, о чем я? Чтобы знать права. Прямо сейчас садись и читай, чтобы от корки до корки знать. Там же прямо написано.

– У меня экзамены на носу, а потом защита диплома.

– Так ты, выходит, заканчиваешь? – удивился дядя Вова. – Поздравляю, поздравляю. Заканчиваешь...

Он был словно на автопилоте – и на землю не падал, но и лететь толком не мог. Так себе, парил над землей вместо бабочки.

– Как внук? Как Люся? – спросил я, чувствуя неловкость положения.

В моем голосе, вероятно, слышалась нервозность.

– Людмила? Внук? Гуляю с ними. Частенько... Теперь же тепло стало. И Люде с ним хорошо. Она словно бы горе свое забыла, потому что у нее же теперь забота, ребенок. Оттягивает сын от забот. А то бы, ты знаешь, даже не могу сказать, как она пережила бы.

– Понятно...

– Звони, – сказал Орлов. И тем оборвал наш разговор.

Я попрощался и отключил трубку.

Только я это сделал, как в ту же секунду раздался звонок, и я вновь услышал голос Пети Обухова. У него за прошедшие сутки никаких изменений не наступило – не женился, зарплату ему не прибавили, и новое звание не присвоили.

– Так, может, это? – спросил Обухов. – Встретимся вечером у девятнадцатой школы? Там кафешка образовалась.

Посидим, вспомним...

Я ответил согласием. Складной нож с выкидным лезвием лежал теперь постоянно в кармане – только бы не попасть врасплох.

У меня отлегло от сердца, и я принялся за работу. Целый день я корпел над дипломной работой, к вечеру вышел на улицу и направился в сторону улицы Волжской. Вдоль нее, серединой, здесь проходила старая липовая аллея. Войдя в аллею, я двинул в сторону школы.

Деревья только что распустились, и думалось тут легко.

Глава 7

Свернув с улицы Волжской, я оказался на просторном школьном дворе, поросшем тополями, кленами и липами. От бывшей школы для слаборазвитых детей осталось лишь здание, отданное в аренду под склады для коммерсантов. С северной стороны здесь оказалось летнее кафе, обнесенное стальным заборчиком. Вокруг кафе разрослись акации.

Петьки Обухова в кафе еще не было – там вообще ничего не было. Шашлычник еще только разводил мангал. Две официантки и бармен слонялись по залу, обирая по углам паутину и протирая столы.

Потом народ стал потихоньку собираться, запахло шашлыками, а Петьки Обухова всё не было.

Петька-Петух на завалинке протух! Я был готов порвать негодя на части. Он сорвал меня из дома, а сам не пришел. И когда я уже уходил тем же путем в сторону улицы Волжской, то услышал позади себя свист. А услышав, обернулся, хотя с детства помнил, что оборачиваться на чужой свист – плохая привычка.

Обухов стоял возле кафе, расставив ноги, и махал мне рукой, так что пришлось возвращаться.

Петька, не дожидаясь меня, плюхнулся на пластиковый стул, к нему подошла официантка в зеленом сарафане.

Петька был в форме, и это меня удивило. Явился в «до-

спехах», чтобы на него пялились со всех сторон.

Я поздоровался с ним за руку и сел напротив.

– Прости, что опоздал, – бурчал тот, оборачиваясь к даме.

Та взяла заказ на карандаш и отвалила, виляя бедрами.

– Рассказывай, – велел Обухов. – Что за звонки, откуда им известен твой телефон?

Петька поражал меня своей циничной наивностью, как, впрочем, и дядя Вова Орлов. Я знал ровно столько же, как и они.

Петька откинулся на спинку стула:

– Не переживай. В обиду не дадим... Будет сидеть, пока не подохнет...

– Приятно слышать. Хотя он знает теперь мой телефон.

Петя повел глазами по сторонам, мельком взглянул мне в лицо и продолжил:

– Мы же их всех перебьем. По одному.

– Кого их, Петя? Очнись. Мы даже не знаем, кто за Пашей стоит. Они, может, контролируют весь город – неужели до тебя не дошло?

Обухов побежал глазами меж столов. Это был страх. Потому мент, вероятно, и пришел в форме, чтобы хоть как-то себя защитить.

Водка прибыла в объятиях пива. Следом приехал шашлык.

Петька бубнил, чавкая:

– Зря ты с этой анонимностью затеял. Толку, как видишь,

никакого – один только шорох.

Он был прав как никогда. Впрочем, пока Паша Коньков находился на экспертизе в психушке, меня никто не тревожил, но стоило Вялову снова взяться за Пашу, как тут же вспомнили обо мне. Выходит, обо мне узнали после очной ставки.

Петька плеснул себе водочки.

– За нас, дружище, – сказал и вылил содержимое себе в глотку.

– Это понятно даже пьяному ежу, – продолжал я, вертя пальцами рюмку водки. – Убийца не знал, что очная ставка состоится с анонимным свидетелем.

– Ты выпей, – говорил Петя, закусывая шашлыком. – Зря ты расстраиваешься. Мы же если начнем их утешать, от них же перья потом полетят. Знаешь, как начальник УВД настроен?

Я не знал.

– Он прямо сказал, что наше благополучие зависит теперь от нас самих, и что если мы будем развешивать уши, то нам их оттопчут...

Это были всего лишь слова, не подкрепленные конкретными действиями. Говорить у нас всегда умели.

Мы налили по второй и не заметили, как осушили бутылку. Потом принялись за пиво, говоря о разном и вечном. О нашей службе на Кавказе, о Мишкиной большой любви, о Людмиле, которую пришлось ему завоёвывать. Дело в

том, что Люська была участковым уполномоченным, старшим лейтенантом, а погибший наш друг до последнего носил лычки старшего сержанта и учиться не собирался.

– Он мог получить офицерское звание, – говорил я. – Для этого надо было хотя бы поступить на учебу.

Петька чмокал губами. Поздно об этом говорить. Нет больше Мишки Козюлина. Осталась лишь вдова и сын-карапуз, который ничего пока что не соображает.

От выпитого меня потянуло в «отлив». Следом отправился Обухов. И когда мы вернулись, я продолжил ту же тему:

– Он еще отомстит за отца – вот посмотришь. Он же весь в него! Вылитый Козюлин...

– На мать он походит, – перебил Петька. – В крайнем случае, на деда...

– Но как ты так можешь, если у него даже губы!

Я не успел закончить: в зарослях акаций вдруг обозначилась чья-то фигура, шевельнулись листья, и в мою сторону уставился пистолетный ствол.

Если б я был трезвым, то упал бы на пол чуть раньше. Звук выстрела напрочь меня оглушил. За ним последовали еще. Я валялся на полу, а из-за акаций били, не переставая, пока не кончились патроны.

Женщины визжали. Петька валялся рядом со мной, шупая пустую кобуру.

Не дожидаясь, пока по мне вновь начнут палить, я вскочил и шучкой махнул через ограждение. В руке щелкнуло

выкидное лезвие. Однако вставлять «перо» оказалось некому. Кто-то большой уносил ноги за угол школы – туда, где ревел на больших оборотах двигатель чьей-то машины. Человек вильнул за угол, двигатель взревел, и сделалось тихо.

Оглядываясь по сторонам, я подошел к углу, но никого там не увидел. Здесь пахло выхлопными газами, виднелись свежие ключья порванной колесами травы.

Судьба вторично усмехнулась надо мной. Я был цел, тогда как о состоянии Петьки Обухова можно было только догадываться. Впрочем, я успел заметить, как тот метнулся в открытую настежь дверь.

Я вернулся к кафе и тут понял, насколько сильно меня трясет. Если бы у меня были блохи, они передохли бы все от страха. Петьки не было. И никто не знал, куда умчался мент.

Мужик, похожий на бегемота, материл возле стойки бара какого-то Михаила Сергеевича и его покойную Раису, словно именно они испортили ему вечер.

– Урод! С печатью на харе! – ревел мужик. – Комбайнер недоделанный!

Убитых или раненых, к счастью, не оказалось. Посетители, как тараканы, моментально разбежались. Какое-то время я еще оставался в кафе, глядя по сторонам и надеясь увидеть Обухова, однако тот всё не появлялся.

Скорее всего, он побежал за помощью. А раз так, то мог появиться с минуты на минуту. Я вышел из кафе и направился к перекрестку. И сколько бы ни смотрел по сторонам,

так и не увидел долгожданного милицейского «маяка».

Торчать сорокой на колу не было никакого смысла. Я набрал Петькин номер, но телефон у того оказался почему-то отключен. Петьку могли отключить, затащив в какую-нибудь дыру.

Я набрал номер РУВД и, услышав голос дежурного, стал тараторить о происшествии. Впрочем, мое сообщение о стрельбе дежурного не вдохновило. Меня принялись расспрашивать – когда это было, кто и в кого стрелял, и сколько при этом образовалось трупов. А поскольку потерпевших не оказалось, мне велели оставаться на месте и ждать, так как оперативная группа пока что находится в другом месте.

Отключив телефон, я не стал испытывать судьбу и зашагал той же дорогой к себе домой. Шел и сжимал рукой нож. Стоит нажать кнопку, как металл выскочит наружу. Я думал, что вряд ли в жизни есть теперь место, куда бы ни забралась рука проходимца. Добравшись до дома, я нажал на кнопку звонка. Мать открыла мне ипустила домой. Я прошел к себе в комнату и, не отвечая на расспросы родительницы, разделся и лег спать.

Глава 8

Закон о защите свидетелей так и лежал нечитанным, поэтому с утра я решил восполнить пробел, перед тем как вновь обратиться к Вялову. Я вынул бумажки из стола и прочитал «от корки до корки». И тут же влюбился в статьи, начиная от шестой и кончая двенадцатой. В них говорилось о мерах безопасности, личной охране, охране жилища и имущества защищаемого лица. Закон позволял выдать мне специальные средства индивидуальной защиты, средства связи и оповещения об опасности. Меня могли переселить в другое место жительства, заменить документы и даже изменить внешность. Кроме того, мне могли заменить место работы или учебы, а также поместить в безопасное место.

Таковы были гарантии, провозглашенные в законе, и это вселяло уверенность – следовало лишь напомнить об этом Вялову. Просто взять и заявить, что на меня напали, что требуется защита, поскольку псевдоним, увы, не спасал: пули реально свистели вчера возле моих ушей, ударяясь в стальную колонну, под которой я валялся в пыли.

Я поднял трубку, набрал номер и принялся ждать, пока не услышал голос следователя. На Вялове словно возили перед этим дрова, и тот весь выдохся, потому что оптимизма в его голосе я не услышал. Узнав от меня о вчерашнем случае, следователь принялся говорить, распаяясь по ходу де-

да, словно я был виновником вчерашнего нападения.

– Нет, извините! – прервал я его. – Вы обязаны предоставить защиту!

Вялова неожиданно заклинило. Он замолчал.

– В законе прямо говорится о мерах безопасности, вплоть до изменения внешности. Но вы ничего не сделали, и в меня теперь стреляют. И еще неизвестно, где мой товарищ.

– Вы были там с Обуховым? – спросил для чего-то Вялов.

– Я же сказал! Потом я позвонил в милицию, но дежурный велел мне ждать. Это разве защита?! Где Обухов?!

– В вытрезвителе, – ответил Вялов. – В себя до сих пор не придет.

У меня отпала челюсть. Чтобы попасть в подобное заведение, Петьке следовало вначале переодеться, высосать еще одну бутылку, а потом лечь где-нибудь на видном месте – в темноту менты не суются.

– Я этого так не оставлю! – горячился я.

Однако Вялов осадил мою прыть, сказав, что товарища моего сейчас к нему привезут для дачи показаний, поскольку пока что неясно, кто в кого стрелял.

Подобный довод обескуражил меня. От колонны рикошетили реальные пули, а прокуратура решила играть в непонятки.

– Я сейчас к вам приеду, – обещал я.

– Приезжай. Ты просто опередил со звонком. Здесь и поговорим.

– А вы все-таки подумайте... Я вам не подопытный кролик, – напомнил я и положил трубку.

Мать была на работе. Я вскипятил чайник, заварил кофе, выхлебал натошак целый бокал и поскакал в прокуратуру, оглядываясь по сторонам.

Вскоре я уже был в кабинете у Вялова. Обухов Петя, похожий на мокрую курицу, сидел в углу у двери, а Вялов, с сигаретой в зубах, бродил по кабинету. Дышать опять было нечем в подобной атмосфере.

– Куда тебя черти вчера унесли? – спросил я у Петьки, присаживаясь рядом. – Взял и смылся.

Но тот не торопился с ответом, он просто сидел и чесал в стриженной голове. Он словно бы потерял дар речи и теперь существовал как бревно – без слов и эмоций.

Вялов перестал барражировать по кабинету. Подошел к окну, отворил обе створки и вернулся к столу. Потом достал из стола бланк протокола и принялся в нем что-то писать. Закончив, он обратился к Петьке.

– Говорить будем?

– Будем, – произнес Петька надтреснутым голосом.

– Тогда ты ступай в коридор, а я этого пока допрошу, – приказал Вялов, обратившись ко мне.

Минут через сорок Петька вышел из кабинета, но поговорить мне с ним не удалось: Вялов стоял в проеме двери и манил меня пальцем. Пришлось подчиниться. Я вошел в

кабинет и стал рассказывать о происшествии.

Вялов слушал, не перебивая. Потом взял чистый бланк и принялся писать. Закончив, он протянул мне его для ознакомления.

– Где его носило? – спросил я.

Вялов откинулся на спинку стула, достал новую сигарету и, покручивая пальцами, стал рассказывать. Получалось, что пока я бежал к углу школы, Обухов метнулся в противоположную сторону, стараясь перехватить стрелявшего. Но стоило ему завернуть за противоположную стену, как рядом с ним остановился автомобиль. Петьку поймали за уши, сунули внутрь и на предельной скорости пошли в сторону Горелого леса. Потом вкололи какую-то дрянь и выбросили возле заправочной станции, едва снизив скорость.

Далее всё было как по сценарию: сердобольный персонал заправки связался с вырезвигителем, и те привезли Обухова к себе ночевать, тем более что удостоверения при нем не оказалось – его забрали бандиты. Петька помнил, что в машине сидели три рожи, одна из которых смахивала на негра или араба.

– Значит, вы пили вчера, – сказал Вялов, словно сам был святым от пяток до макушки.

Я согласно кивнул. Пили. Потому что хотели найти выход из безнадежного положения.

– И пули били только в колонну? – спросил следователь.

– Кажись, – ответил я, не понимая, к чему тот клонит.

– Я был там с утра, – сказал Вялов. – Все восемь попали в колонну, как будто в нее специально целились. Пули ушли в сторону безлюдных зарослей – там разве что кошки одни гуляют, и то я ни одной не встретил.

От его слов легче не стало. Пусть так, стреляли в трубу-колонну, чтобы, например, запугать, но в следующий раз меня обязательно прикончат. И я сказал ему об этом и снова потребовал соблюдения положений закона о государственной защите свидетелей.

– Ты в курсе, что денег под это нет? – Следователь горько усмехнулся. – Ни копейки. Так что закон этот мертворожденный. Мы если что и можем позволить, так это присвоить человеку вымышленное имя и допросить в закрытом режиме.

– Но там же есть и другие меры, – не соглашался я. – Вы можете заменить мне место работы, поместить в безопасное место... У меня мать, и она не виновата, что сын оказался свидетелем.

– Не так быстро, – следователь поднял руку. – Место работы, говоришь?

– Ну да. Об учебе я молчу, потому что осталось защитить диплом. Хотя с этим тоже будет проблема – приходится думать о чем угодно, но только не о защите.

– Верю. Понимаю. – Вялов поджал губы, думая о чем-то своем. – При этом мы решим сразу две проблемы.

Дмитрий Геннадиевич прикурил сигарету от зажигалки и

стал спрашивать о моей армейской службе, а под конец выдал:

– А не пойти ли тебе в МВД? У них же нехватка кадров в следствии...

Я чуть не свалился со стула, услышав подобный бред. Подобные мысли никогда не приходили мне в голову. Одно дело – отдать долг отечеству, другое – по собственному желанию воткнуться в тину. Я хорошо помнил, что после окончания учебы намеревался пойти в адвокаты.

Голова у меня сама собой метнулась из стороны в сторону, а губы изобразили подобие сковородника.

Вялов между тем продолжал:

– Ты ж ничего не теряешь. Поступишь на службу, станешь государственным человеком.

– Кем? – не понял я.

– Будешь служить государству.

– Служить?

– Чиновник в погонах – чем не защита для свидетеля-очевидца?!

В его словах что-то было. В них ощущалась некая определенность. Как бы то ни было, в МВД я становился своим человеком и мог рассчитывать на понимание.

– А маму вашу можно поселить у кого-нибудь из друзей или просто знакомых. Неужели у вас нет родни?

Родня была, но дальняя. Чужие заботы вряд могли вызвать прилив родственных чувств. Стоит сказать, что ты пря-

чешься, как от тебя отрекутся.

– От милиции спрячут, от бандитов едва ли, – рассуждал я вслух.

Следователь между тем продолжал:

– Есть человек, который заинтересован в исходе дела – неужели не помнишь? По делу никак не обозначен. – Вялов раздавил окурок в пепельнице. – Это мать погибшего Козюлина.

– Вера Ивановна?

– Она не давала показания и по делу никак не проходит. Думаю, она примет к себе твою матушку.

Интересно у Вялова получалось: сгрёбся – и пошел жить к другому человеку.

Следователь уже нажимал кнопки телефона. И тут же изменился в лице, начав улыбаться.

– Вера Ивановна, здравствуйте! Вялов вас беспокоит. – Прислушался и тут же продолжил: – Именно тот. Как вы себя чувствуете?

Вопрос был бессмысленный. Как могла себя чувствовать старуха, потерявшая единственного сына? У нее была еще дочь-подросток, но сын был точно единственным. Других таких у нее не было.

– Тут такое дело, что просто не знаю, – старался Вялов. – Мосягину Николаю угрожают, а вчера на него напали. Возле девятнадцатой школы. После того, как он был допрошен на очной ставке.

Следователь рассказал историю нападения. Потом еще раз, уточняя детали, и после этого протянул мне трубку.

– Приезжайте с матушкой ко мне. Обязательно приезжайте, – звучало в трубке.

Мишкина мать заплакала. Потом справилась с собой и продолжила:

– Прямо сегодня...

Пришлось обещать, хотя у меня, если признаться, даже мыслей не было ехать на другой конец города. Оставалось надеяться, что мать согласится пожить у нее, пока не кончится тягомотина.

Следователь решил до конца со мной разобраться, поэтому следующим был звонок в УВД. Вялов теперь говорил с каким-то Александром Дмитриевичем и просил взять на службу без пяти минут юриста.

– Под мою ответственность, – говорил он. И, как видно, быстро нашел понимание, потому что заявил, что парень проверен, служил во внутренних войсках на Кавказе, что даже знаком со спецификой службы.

Это был бред сивой кобылы. Так мог говорить лишь человек, по горло заваленный уголовными делами, потому что никакой специфики я не знал. Возможно, Вялов считал, что выписывает мне путевку в жизнь.

Трубка опустилась в гнездо, а глаза «полководца» устремились в мою сторону.

– Ступай, – сказал он. – Тебя там ждут.

Меня на ходу запрягали в другую повозку.

– А кто он такой? Как его? Александр Дмитриевич? – спросил я.

– Начальник управления кадров. Полковник внутренней службы.

Вялов уцепился за сигаретную пачку, на ходу пожал руку и подтолкнул к двери.

– Ступай, а то он после обеда собирается уехать. И документы свои не забудь. У тебя же на лбу написано, что ты мент от рождения.

Он ошибался. От рождения я был Коля Мосягин, который в менты поступать не мечтал.

Оказавшись за дверью, я понял, что Обухов опять куда-то смылся.

«Похмеляться, сучок, побежал», – ворчал я, шагая к выходу и косясь по углам. Ни на втором этаже, ни в туалете, ни даже на улице Петьки не оказалось. Тут и гадать не надо – поскакал похмеляться. Он еще вчера говорил, что два следующих дня у него будут свободными.

Сидя в маршрутном такси, я набрал номер, но телефон Обухова опять оказался вне досягаемости. Возможно, мент не хотел рассказывать про то, как вчера его усадили в машину, а потом вытряхнули на обочине, словно дерьмо с лопаты. Но я-то ведь понял бы, в каком положении тот оказался. Для меня он вне подозрений, потому что проверен, потому что мы оба в долгу перед Мишкой. Так что зря этот лось лома-

нулся.

Добравшись до УВД и, получив временный пропуск, я направился в отдел кадров. И вскоре сидел напротив полковника в зеленой армейской форме и слушал лекцию о службе в милиции. Полковнику на вид было лет пятьдесят. Лицо сухое, скуластое, фигура поджарая.

– Я тоже когда-то был всего лишь сержантом, – сказал полковник и стал рассказывать про те блага, которые обретает соискатель офицерской должности. Зря полковник старался: я точно знал, что ситуация с «благами» в милиции далеко не простая.

Закончив говорить, Александр Дмитриевич поднялся из кресла и повел меня знакомить с инспектором кадров. Он завел меня в кабинет, представил какому-то капитану в милицейской форме и сказал, что я буду служить в следствии. Сказал и вышел за дверь.

– Служить, значит, хочешь? – проговорил капитан. – А на гражданке-то что? Нелепуха?

Я пропустил мимо ушей слова офицера, словно не со мной тот разговаривал. Да и не разговор это был, а так, мысли вслух.

Капитан поднял трубку внутреннего телефона и стал опять говорить:

– Филиппенко? Мордашов говорит. К тебе подойдет человек – шеф наш привел ко мне... Так ты поговори с ним о будущей службе. А потом звякни. Ага...

Трубка шлепнулась в привычное место. Капитан поднялся из просторного кресла и, взяв меня под локоть, потянул в коридор.

– Повернешь, значит, за угол, – учил он, – увидишь там лестницу – вот по ней и шагай, до самого верхнего этажа. И там как раз увидишь дверь. Ступай. И с рапортом потом ко мне.

Скорее всего, он имел в виду заявление, поскольку я не состоял пока что на службе и рапорта писать был не обязан. Поднявшись к двери, я нажал на кнопку и стал ждать. Вскоре та отворилась: в проеме стояла женщина лет тридцати – в легком платье с глубоким вырезом на груди и кудрявыми светлыми волосами. Глаза у тетки были зеленые. Казалось, она видела меня до печенок.

– Мне Филиппенко, – сказал я.

– Слушаю вас, – ответила дама

Так я оказался в отделе, который возглавляла подполковник Филиппенко. Для беседы со мной дама пригласила своего заместителя – мужика лет сорока в гражданском костюме, и тот стал задавать мне вопросы – где служил, чем занимался в последнее время, какая у меня специальность. Я сказал, что работаю сварщиком. В глубине души я надеялся, что, услышав о моей специальности, мне тут же укажут на дверь.

Однако этого не случилось. Заместитель даже как будто обрадовался. Выходило, что сварщики им тоже нужны – под-

варить чего-нибудь, отрезать. Потом он неожиданно перешел к вопросу о моей второй специальности.

– Юристы нам нужны, нужны юристы, – бормотал он. – То есть, конечно, не сами юристы, а следователи. . .

После окончания учебы мне всё равно пришлось бы искать работу, поэтому я ответил согласием. Написал заявление о приеме на службу в органы внутренних дел на должность следователя, и Филиппенко тут же, задав несколько вопросов на профессиональную тему, мне его подписала: в юриспруденции я разбирался не хуже, чем в сварочном деле. И по возрасту я подходил. Оставалось пройти медицинскую комиссию и дожидаться приказа о зачислении на службу.

– Мы обязаны проверить вас по всем каналам, – сказал заместитель. – Этот процесс происходит с каждым сотрудником.

Назад пути не было никакого, и я лишь послушно соглашался.

– В этом нет ничего секретного, – добавила Филиппенко. – Меня тоже проверяли. Ступайте.

С бумажным листом в руках я вернулся к капитану. Однако того не оказалось на месте. За другим столом сидел старший лейтенант. Спросив у меня, для чего мне капитан, он принял от меня заявление и тут же выдал бланк для прохождения комиссии.

– Результаты на руки не выдаются, – напутствовал он. – Так что позвони нам, как только пройдешь комиссию,

Выйдя из здания УВД, я пошел за угол, в сторону улицы Марата, сел в трамвай, идущий в сторону медсанчасти УВД, и в этот же день успел пройти нескольких врачей. Кроме того, мне следовало принести целый ворох справок из различных диспансеров – наркологического, психиатрического, туберкулезного, а также сдать кровь на СПИД.

В седьмом часу я вышел из поликлиники с аппетитом, как у волка: без завтрака, обеда и ужина живот у меня подвело. И тут на ум пришла Мишкина матушка Вера Ивановна.

До Севера было лишь несколько остановок. Я прыгнул в подошедший трамвай и вскоре уже сидел на кухне у Веры Ивановны. Трехкомнатную квартиру, пока Мишка служил в армии, Вера Ивановна поделила, чтобы не было у сына проблем на случай женитьбы. Теперь у Мишки точно не было никаких проблем, а малогабаритная квартира в районе «Трех богатырей» наверняка пустовала, так как Люська постоянно теперь проживала с родителями.

– Так и живу теперь... – говорила Вера Ивановна. – Существоую...

Она отошла к кухонной плите и заплакала. Одиночество давило на нее изо всех щелей – дочь училась в другом городе и, естественно, не могла ездить часто.

– Была бы моложе – на работу опять поступила бы. Твоя-то работает мамка?

– Работает...

– А на тебя, говоришь, напали?

– Напали...

Вера Ивановна поставила на газовую плиту чайник, достала колбасы, пару яиц и принялась готовить глазунью – любимое Мишкино блюдо.

– Не повезло ему, – говорила она. – Ой, не повезло с женой! Они же ругались – из-за денег, словно в них счастье. Она его и в Чечню отправляла из-за них же, а сама в это время здесь успевала – так что одному богу известно, от кого у нее Игорек.

Она в упор посмотрела мне в глаза и продолжила:

– Для нее-то ведь нету разницы, от кого, потому что она-то ведь мать. И ребенок при ней. А каково мне. Они даже ребенка теперь от меня прячут. Не хотят, чтобы я брала его на руки.

Слова эти не были для меня новостью. Я знал от Мишки, что мать неровно дышит в отношении Люськи. Между ними словно черная кошка пробежала – в первый же день после свадьбы.

Я сидел и молчал. Пусть говорит человек. Пусть разрядится.

– Не верю я, что Коньков просто так начал стрелять. – Вера Ивановна отвернулась к плите. – С чего бы вдруг взять и начать ему? Взял и застрелил. А других ранил...

Она задумалась, глядя в окно, потом вдруг продолжила:

– Вот я и думаю, что всё сходится. Не могла она родить по этому времени. Говорит, что он у нее недоношенный...

Враньё! Улеглась в больницу, будто на сохранение. Пыль в глаза пустить. Ребенок зачат в момент, когда Мишин отряд находился в командировке.

Мишка рассказывал мне о подозрениях матери и называл это старушечьим бредом. Он так любил Люську, что готов был носить её на руках. А та отвечала ему, как видно, тем же. Я не видел их расстроенными. Возможно, Вера Ивановна, как и многие матери, не доверяла снохе.

– А вы с матушкой хоть сегодня переезжайте ко мне, – сказала она. – И живите хоть всю оставшуюся жизнь – я хоть воспряну с вами. Пусть Аннушка мне позвонит. Или я сама ей сейчас позвоню.

Она двинулась было с кухни, но я остановил. Мать была совершенно не в курсе последних событий. Новость из уст бывшей соседки могла свести ее с ума.

– Я сам с ней поговорю. Извини меня, тетя Вера. Хотел увидеть тебя и попросить прощения.

– За что? Христос с тобой...

У Веры Ивановны округлились глаза. Она села напротив.

– Что Мишку не спас...

– Не думай об этом, – махнула она рукой, – видно, такому уж быть. А ты ешь, не стесняйся.

Справившись с глазуньей и допив чай, я вдруг понял, что не смогу сюда перебраться. Да и мать едва ли согласится ездить отсюда на работу в такую даль.

Помолчав с минуту, я стал собираться. То, что касалось

меня и Мишки, давно было сказано, и Вера Ивановна это теперь понимала. Она просто стояла рядом и смотрела, как я обуваюсь в прихожей. Можно было лишь догадываться, что творилось в ее материнском сердце. Для нее это было горе, которое нельзя пережить.

Поцеловав ее в щеку, я вышел на улицу, сел в проходящую мимо «газель» и поехал к себе в Заволжский район. Дорога проходила вдоль волжского косогора, виднелась внизу громадная масса воды, рассеченная мостом, построенным, говорят, при последнем царе Николае.

Трясаясь на асфальтовых кочках на спуске к Волге, я думал о собственной жизни. Защита свидетелей оказалась фикцией: нашелся кто-то, кто рассказал обо мне Конькову, и тот моментально использовал информацию – через своих друзей, через администрацию следственного изолятора. Наверняка следователь не имеет к этому никакого отношения. И прокурор не имеет. И Петька Обухов... Обо мне мог рассказать кто угодно. Это могут быть потерпевшие, каждый из которых находится пока на лечении. Один до сих пор хромот, второму недавно делали повторную операцию: пуля прошла через верхнюю челюсть, обезобразив лицо. Третьему удалили разбитое пулей яичко, сшили пенис и направили на реабилитацию в санаторий. Четвертый носит на перевязи правую руку, из которой сочится жидкость. Могли они рассказать обо мне? Едва ли...

Впрочем, каждый из них мог невольно проболтаться о

том, что в милицейской автомашине находился еще один человек, который дает теперь показания, и которого зовут все не Сидоров. И не Петров...

Мишка всегда был моим лучшим другом. Он выручал меня на войне. Память о нем не позволит мне отказаться от дачи показаний – только бы Обухов перестал метаться.

«Газель» перебралась по мосту на другой берег, поднялась в гору, и тут я решил, что надо бы заехать к Людмиле. Все-таки я ей не просто так, а товарищ погибшего мужа. Я вышел из машины, позвонил ей на домашний телефон, а минут через пять уже был на месте. В углу стояла детская кроватка, тут же была и коляска. Ребенок спал, и мы тихонько разговаривали.

Оказалось, что предки перебрались у нее в «Три Богатыря». Они решили, что так будет лучше, если займут пустующую Люськину квартиру. Дважды в неделю они бываютеперь у нее – продуктов купить, с ребенком посидеть, постирать накопившееся белье.

Данная новость, признаться, сильно удивила: уж не счастью ли чужому бояться помешать родители? Для чего оставлять одинокую дочь – вдову?

– Там бомж какой-то забрался – вот они и решили, – говорила Люська.

Она сидела в глубоком кресле, разглаживая на бедрах платье. Росту в ней было чуть меньше, чем у меня. Это был тип женщины спортивного телосложения. Густые темные воло-

сы кольцами струились у нее по голове, спадая на плечи. У Люськи были природные кудри.

Она посмотрела по сторонам, и я вдруг понял, что в квартире нет Мишкиного портрета. Раньше был. Я хорошо это помнил, потому что портрет стоял на серванте.

– А где Мишкино фото? – спросил я.

– Тяжело мне с ним, – сказала Людмила. – Кажется, смотрит за мной беспрестанно, куда бы я ни пошла.

– В этом нет ничего странного, – сказал я. – Это эффект портрета. Причем каждого, без исключения.

«От моих слов вряд ли ей станет легче, – думал я, – потому что нелегко понимать, что чей-то взгляд следит за тобой – пусть даже с портрета. Так что, может, она и права, что убрала его подальше – позже опять поставит на видное место...»

Ребенок проснулся и заплакал. Возможно, он пробудился из-за меня, и я стал извиняться.

– Есть захотел, вот и проснулся, – успокоила меня Люська.

Она подошла к кровати, нагнулась, развернула пеленки и стала поглаживать малыша. Тот покряхтывал, какое-то время терпел, а потом вновь расплакался. Мать сменила ему подгузник, вновь запеленала и взяла на руки.

– Отвернись.

Людмила вернулась в кресло и стала кормить ребенка грудью. Тот чмокал, торопясь, и даже прикашливал. Потом он утомился, а я по-прежнему смотрел в окно.

– Можешь повернуться, трапеза закончена, – сказала

Людмила. Потом спросила у меня, не хочу ли я чаю.

Но я ничего не хотел. Чего я хотел, так это определенности в жизни. На носу защита дипломной работы, а мне приходилось бегать по складкам местности, словно зайцу.

– Что случилось?

Пришлось рассказать ей про случай у девятнадцатой школы.

Однако мои слова не заинтересовали ее. Возможно, оставшись без мужа, она испытывала даже злорадство.

– К Вере Ивановне сегодня заехал, – проговорил я, чтобы не сидеть истуканом.

– И что она там? – оживилась Людмила. – В том же духе?

Пылит, старуха?

– В смысле? – не понял я.

– Меня, чай, ругает.

– За что?

– Ой, не надо!

Люська вскочила из кресла, положила ребенка в кроватку и стала ходить по залу, на ходу поправляя предметы.

– Она же всем теперь говорит, что я во всем виновата. Даже Вялову наплела, будто у нас с Козюлиным были плохие отношения.

Она назвала мужа по фамилии, как и раньше, еще при жизни. Откуда взялась эта привычка. Слышать подобное было невмоготу даже мне, человеку постороннему.

– Как ты у нее оказался? Специально ездил, что ли? –

спросила она.

– Говорю, по пути заехал. Оформляюсь в милицию тоже, проходил комиссию... Там же рядом как раз...

– И кем ты?

– Следаком в РУВД.

– А-а-а, вот оно что...

Людмила понимающе качнула головой. Она вернулась в кресло и снова стала спрашивать про бывшую свекровь, и это походило на допрос.

– Зря ты так на нее, – отвечал я. – Вера Ивановна потеряла сына.

– А я кого потеряла?! – вскинулась Людмила. – По-вашему, я потеряла куклу?! Или все же человека?

– Мы не виноваты, так получилось...

– Не виноваты... И она, скажешь, не виновата?!

Это был результат накопившихся чувств. Не скажи я о Вере Ивановне – не было бы истерики.

Дверной звонок заставил меня вздрогнуть. Люська поднялась и пошла открывать.

– Посмотри сначала, кто там стоит, – метнулся я следом.

– Да ладно тебе, – огрызнулась Люська. Она была неузнаваема.

За дверью оказалась ее мать. Сверкнув на меня взглядом из-под ресниц, она прошла с сумками на кухню. Потом вернулась и стала разуваться в передней.

– Соскучился? – бормотала она.

Вопрос был бессмысленным, и я промолчал.

– Как живешь? – снова спросила тетка Елена. – Не женился пока?

От подобных расспросов коробило. Я отвечал, что пока не женился и не собираюсь. И еще я сказал, что нет пока той, которая согласилась бы выйти за меня.

– Он у Веры был только что, – сказала Люська. – По пути заехал.

Информация о свекрови, как видно, была для нее важнее, чем то, что вчера нас с Петькой едва не прикончили.

– И как она там? – спросила Орлова. – Плесенью не покрылась от злости?

– Плачет, – ответил я, глядя в пол.

– Ну и пусть плачет... Осторожнее надо быть. Обыскивать. А то собрались впятером, а обыскивать будет дядя – не так ли?

Линолеум плыл у меня перед глазами. Я не верил своим ушам: о Мишке говорили, словно он был посторонним.

– Я тоже там был, – напомнил я. – Мы не смогли его обыскать. Такое бывает. Раз в жизни, может...

Голос у меня отдавал железом.

– Да это я так. К слову пришлось, – принялась лебезить Орлова. – Иначе же как это можно объяснить. Извини уж...

Она прошла в зал и уселась в кресло, в котором я перед этим сидел.

– Говорят, дурачок хочет дом продать – слыхала? – сказа-

ла она дочери, поглаживая руки. – Пока этот сидит.

– Кто? – спросил я.

– Биатлонист, – ответила Орлова. На лице у нее вдруг мелькнула едва заметная волна.

– Так он же сидит, – напомнил я.

– А шут его знает, – замялась та. – Говорят, что хотят продать через кого-то, а как – не знаю. Ему же деньги нужны на защиту. Троим адвокатам платить – шутка в деле...

Орлова обернулась к дочери. Та смотрела ледяными глазами.

– Выходит, собрался выскользнуть, – подумал я вслух. – Он думает, что это ему поможет.

Люськин взгляд устремился теперь ко мне. Казалось, она едва сдерживает себя, чтобы не закричать.

Глава 9

Смотреть на косые взгляды мне быстро надоело. Распрошавшись, я шагнул к двери.

– Не открывайте никому, пока не посмотрите в глазок, – наставлял я женщин. – Короче, будьте начеку...

– Ладно, будем, – отвечала Люська, провожая меня за дверь. И снисходительно улыбалась, словно заранее зная, что с ней-то уж точно ничего не случится.

Я поскакал вниз, с трудом соображая. Сообщение о продаже чужой недвижимости не выходило из головы. Впрочем, одно я понял достаточно хорошо: Биатлонист решил продать коттедж.

«Говорят, дурачок хочет дом продать – слыхала? Пока этот сидит...» – звучали странные слова Мишкиной тещи.

Слова застряли в голове и не хотели уходить. Выходит, пока Биатлонист парится в камере, кто-то решил распорядиться чужой недвижимостью. Странно.

Выйдя из подъезда, я направился было к себе домой, однако передумал и по пути заскочил к Обухову. Позвонил в дверной звонок, но мне никто не ответил. Наверняка Обухов нахлебался и лежал без чувств, приказав домашним не открывать дверь.

Вернувшись домой, я выпил чашку кофе и пошел к себе в комнату. Здесь стоял мой персональный компьютер. Зво-

нок оперативнику Блоцкому, закрепленному за уголовным делом, был бы ко времени. С Блоцким мы были одного возраста и, казалось, имели одинаковые взгляды на жизнь.

Мама заглядывала в комнату и требовала объяснений по поводу вчерашнего инцидента.

– Опять попал в переделку? – ворчала она. – Смотри, залетишь в каталажку...

У меня на связи уже был Блоцкий. И я стал с ним говорить. Изложил всё, что слышал от Орловой.

– Может, тебе показалось? – переспрашивал тот.

– Нет, Костя, сказано было именно так.

Блоцкий принялся вслух рассуждать. Доверенности оформляются арестованными в простой письменной форме – начальник изолятора заверяет их своей печатью и подписью. Если позвонить завтра в спечать и спросить у них об этом напрямую, то они вряд ли станут по телефону об этом говорить, так что надо туда ехать лично, имея при себе запрос.

– Интересно, кому он доверил продажу? – думал я.

– Это может быть кто угодно – даже тот, кто стрелял в вас с Обуховым.

– Да запросто, – соглашался я с Блоцким.

– Так что до завтра. Мне самому интересно узнать, кто этот избранный, кому поручена сделка.

Поговорив, мы распрощались. При этом я рассказал Блоцкому, что прохожу медицинскую комиссию в поликлинике

УВД и скоро стану ментом.

Мать вошла ко мне, села напротив и стала расспрашивать о ходе следствия, а также о том, когда я возьмусь за голову и сяду за подготовку дипломной работы.

– Тебе надо переехать к Вере Ивановне, пока идет дело, – сказал я.

– Для чего? Ты же ничего мне не говоришь...

И я рассказал ей обо всем, что знал, упуская жуткие подробности вчерашнего вечера – вой пуль, грохот стальной колонны, а так же и то, что Петя Обухов попал в переплет. От пережитого, вероятно, тот беспробудно пил, иначе и быть не могло.

– Так что, думаю, у Веры Ивановны тебе будет лучше, – завершил я свой рассказ.

– Вот оно даже как, – вздохнула мама. – А то смотрю, носишься как угорелый. Выходит, что угрожают и требуют отказать...

Я согласно качнул головой.

– Так откажись, – сказала матушка. – Свидетелей без тебя хватает. А к Вере я не поеду, потому что, во-первых, у меня здесь работа. Но ты откажись.

Материны слова меня удивили. Я не знал, что сказать.

– Откажись от них. Ради Христа.

– Неужели забыла, кем был для меня Мишка?

Мать замолчала, беззвучно шевеля губами.

– Он меня из-под пуль вытащил, – напомнил я, – жизнью

рисковал, а я, получается, должен плюнуть вдогонку.

Звонок телефона остановил препирательства. Я взял трубку и услышал опять тот же голос. Казалось, говорил сам Паша Коньков. Конечно, это был не он лично, а кто-то из ближайшего окружения. Человек пел об изменении моих показаний. По его словам, мне надлежало хотя бы вспомнить, что обвиняемого грозились отвезти в лес, но потом передумали. Короче, в зарослях городских остановились, а потом развернулись.

Наглость звонившего удивляла меня. Но я молчал.

– Ты слышишь меня? – спросил голос.

Я опять промолчал.

– Кстати, как вчера отдохнулось? Если не понял, можем повторить...

– Меня же самого потом на голгофу! – ответил я, уклоняясь от материнских рук. Та норовила вырвать у меня трубку. – Неужели не ясно, что погибший был моим другом? Я не могу по-другому...

– Жить захочешь – сможешь, – утверждал голос.

Мысли вихрем кружились у меня в голове.

– Вялов до тебя доберется, – сказал я, – потому что Блоцкий не дремлет.

– Кто?

– Недолго тебе осталось.

Это был очевидный блеф.

– Выходит, я зря старался, – произнес голос, и связь пре-

кратилась.

Матушку трясло как осиновый лист. И ладно бы только это – она принялась пилить меня и вдоль и поперек. И вскоре небо мне стало казаться с овчинку. Будь у меня отец, тот понял бы. Но его никогда не было – тот как уехал когда-то, так и ездил до сих пор где-то, в связи с чем матушка любила говорить: «Собакам сено косит наш папаша».

Как бы то ни было, тряска у матушки всё же прошла, я разобрал кровать, лег и под конец задремал.

Ночью мне снились кошмары. Неизвестный тип в чине полковника принимал меня на службу и говорил, что моей задачей станет сбор колорадского жука – того самого, от которого нет никакого спасения. Потом Волга вышла из берегов и стала затоплять старый город, чего в принципе быть не могло, поскольку старый город стоял высоко над рекой.

Разлепив глаза, я понял, что проснулся в полдевятого. В квартире было пусто, а на столе лежала записка. «Не дури, – значилось в ней. – Подумай о собственной жизни».

Мать не понимала сути дела. Она толкала меня на скамью подсудимых – за отказ от дачи показаний.

Телефонная трубка торчала в своем привычном гнезде, в прихожей. Я взял ее и пошел на кухню. Набрав номер следователя, я стал наезжать на него по поводу неустройства собственной жизни.

Вялов едва оправдывался и даже обещал, что заставит милицию выставить пост возле моих дверей.

– Я заставлю их усилить контроль! – почему-то кричал следователь. – Они у меня попляшут!

– Но я не об этом, – ослабил я вожжи. – Тут появились сведения: какой-то дурачок продает дом Биатлониста – Орлова вчера сболтнула.

– Орлова? Тёща погибшего?

– Блоцкий собирался ехать в изолятор и узнать подробности. Дом Биатлониста расположен за Майской горой – не так ли?

Вялов молчал.

– Все равно я узнаю, – обещал я. – Хотя бы из любопытства.

– Не играй с огнем, – произнес Вялов.

– О воровском притоне печетесь?

– У него не было притона. Он занимался легальным бизнесом...

– Продажей контрацептивов?

– У него три магазина в нашем районе. В банду он, конечно, входил, но теперь это в прошлом – можешь у Блоцкого спросить, его информация.

– Магазины. Коттедж. А где он раньше жил, до коттеджа? – налегал я.

Вялов торопливо назвал адрес, вероятно, надеясь, что я не zapomню. Но я запомнил. В детстве у бабушек жил по улице Девятого мая. Просторные кирпичные дома на двух хозяев тут же всплыли в моем сознании. Перед окнами сплошь па-

лисадники, а позади, за домами – земельные участки: у кого сад, у кого погреб, у кого гараж. Номер дома только бы не забыть.

– Вообще-то мне надо сегодня в психушку, – сказал я. – И адрес его мне не нужен. Я просто хотел сказать, что Паша решил намылиться.

– Как это вдруг?! – удивился Вялов, – Как это он может, когда он под стражей?

Следователь словно впервые на свет появился.

– Стоит мне изменить показания, как завтра его оправдают, – ответил я безразличным тоном.

– Не оправдают, – оживился следователь. – Потому что ты не изменишь показания... И не лезь к нему сам!

– Не буду...

Я положил трубку и понял, что сказал неправду.

Выпустив пар, я слегка позавтракал и поехал в больницу Карамзина, расположенную в громадной низине за Старым городом, возле реки. Дорога в один конец заняла у меня часа полтора. Еще столько же пришлось сидеть в ожидании приема, так что в обратном направлении я возвращался после обеда. Потратив полдня, я теперь знал, что психдиспансер – это старое кирпичное здание времен Карамзина, с решетками на окнах, и что я психически здоров и могу служить в правоохранительных органах.

После этого я думал заехать в УВД и доложить о себе – сказать, что пока еще жив и прохожу обследование. Однако,

забравшись в автобус, ехать в управление передумал. В центре пересел на другой автобус и через Волгу направился к себе в район – туда, где жила Людмила с грудным ребенком, туда, где меня, по всей видимости, дожидался теперь Петя Обухов.

Однако Петуха дома опять не оказалось, так что я повернул оглобли на Оренбургскую улицу и вскоре уже был на пятом этаже у Людмилы. Меня вновь почему-то к ней тянуло. Может, потому, что предки у нее жили теперь в «Трех богатырях». Я почему-то думал, что Людмила страдает от одиночества, что ее некому утешить. Козюлин Мишка, казалось, подталкивал меня в спину.

Приехал я вовремя: ребенок у Люськи на руках громко плакал, на кухне что-то шипело, а из ванной доносилось урчание стиральной машины.

– Дай мне его, – попросил я.

Отдав мне ребенка на руки, Людмила метнулась на кухню, потом к машине, в то время как Мишкин отпрыск, заходясь, ревел у меня на руках не своим голосом и даже пытался вырваться. На нем теперь был пушистый костюмчик. А на голове, из-под шапочки, выглядывал светлый пушок. Совсем не такой, как у Мишки или Людмилы.

Я не знал, что делать. Просто сидел и смотрел в лицо младенца.

Прошла вечность, прежде чем Люська забрала его у меня. И тот, странное дело, тут же унялся. Во рту у него была те-

перь бутылочка с соской.

– Помощь нужна? – спросил я. – Могу постирать.

– Стирай, – ответила Люська.

Я встал и отправился в ванную. Разгрузил отжатое белье, загрузил новую партию, всыпал порошок и вновь запустил машину.

Ребенок наелся и спал, лежа в кроватке поверх одеяла. Людмила что-то готовила на кухне: оттуда доносились запахи жареной курицы и еще чего-то, едва уловимого. Возможно, это был запах салата из крабовых палочек. Но меня туда не приглашали, и я туда не шел, хорошо помня, что не следует ходить туда, куда тебя забыли позвать.

Закончив со стиркой, я принялся за пылесос. На это ушло еще около часа. Потом мы сели на кухне ужинать. В желудке у меня, признаться, было тоскливо, поскольку обед проплыл мимо моего носа еще по пути из Карамзинки. На моей тарелке лежал куриный окорок и картофельное пюре, придавленное сверху салатом из крабовых палочек, а в бокале плескалось вино.

Мы подняли бокалы и выпили, не чокаясь. Потом повторили.

– С сегодняшнего дня я уже не кормлю, – сказала Людмила, – так что выпить мне можно.

– В смысле? – не понял я.

– Молока не хватает – потому и не кормлю, – ответила она, посмотрев на настенные часы.

Я уловил этот взгляд, брошенный снизу вверх. Возможно, она кого-то ждала, но я не спросил. Ждать можно кого угодно, в том числе того, кто никогда не вернется.

Пока мы ужинали, а потом смотрели по телевизору какую-то передачу, наступила ночь, так что уходил я от Людмилы лишь затемно. И тут же почувствовал, что кто-то идет за мной следом, кустами.

Я останавливался, сжимая в руке свой походный нож, но звуков не слышал. Стоило мне пойти, как всё опять повторилось. Мало того, в кустах вдруг мелькнула чья-то тень, и в тот же миг у меня шевельнулись волосы.

Глава 10

Уж не Козюлин ли Мишка идет за мной, думал я. И тут же отметал подобную нелепость. Я пробыл у вдовы до самой ночи, но плохого ничего не позволил. Да и причем здесь это, когда Мишка уже не вернется, когда он, может быть, только рад, что я помню о нем и Людмиле.

Добравшись до остановки, я прыгнул в «газель» и поскакал к себе на Жуковскую улицу. И тут за пазухой пропищал мобильник. Я вынул его и стал слушать.

– Ты сюда больше не ходи, – учил меня голос. – Забудь дорогу...

Не говоря ни слова, я отключил звонок и вернул телефон на место, едва соображая. «Не ходи, короче, и всё...»

И еще: «Откажись от показаний. Сиди у себя по адресу и не выглядывай...»

Мать была дома. Судя по ее словам, она все глаза проглядела – не иду ли я. Смотрела до тех пор, пока какой-то тип, проходя тротуаром мимо нашего дома, не покрутил пальцем у виска.

Глотнув воды, я разделся и лег спать. И, как ни странно, сразу уснул. Больше ничто уже не тревожило меня до самого утра. А утром, когда я пил кофе, на глаза мне попало строчное объявление, сделанное на последней странице бесплатной газеты «Мозаика». Из объявления следовало, что прода-

ется коттедж, расположенный в живописном районе города – с видом на Заволжскую впадину и реку Волгу. Это был дом господина Конькова.

После этого, само собой, воздержаться от звонков Вялову я не мог.

– Видали?! – кричал я. – С недвижимостью, сволочь, хочет расстаться! Сидя за решеткой! И за мной успевает следить... Не Мишка же, в конце концов, тащился за мной! А если не Мишка, то кто?!

– И ты никого не видел?

– Только тень. И то за кустами. Там же кусты – не продраться.

– Примем меры, – обещал следователь.

Оперативник Блоцкий тоже обещал принять меры. Вчера. А сегодня он был пока что недосыгаем. Я дважды сделал звонок, но телефон по-прежнему молчал. Обухов Петр тоже молчал как рыба. Он словно пошел в сторону моря, и там его смыло.

Мне сделалось нехорошо. Ни во что уже не хотелось верить. Предстояла защита диплома, а в голову ничего не лезло – там хозяйничал чужой голос.

Я сидел за столом, перебирая события последних дней. Уголовное дело по обвинению Паши Конькова грозило затянуть меня в зыбкое болото. Хотелось всё бросить и уехать куда глаза глядят. Однако меня держало слово, данное Мишке очень давно.

«Я в долгу перед ним, – повторял я снова и снова. – Надо провести собственное расследование. Именно так. Самое ценное, что надо сделать, – это присмотреть за семейкой обвиняемого. А также за остальными, кто подвернется на этом пути...»

«Самый справедливый человек на свете – это я сам, – бормотал я себе под нос. – Так что надо напрячься и сделать мир справедливее...»

От этих мыслей по спине у меня бежала волна. Собственно говоря, слово «расследование» звучало слишком громко. Надо всего лишь провести разведку по месту жительства Биатлониста – по старому и новому адресу. По старому адресу у Биатлониста прошла чуть не вся его жизнь, включая сопливое детство.

Мне почему-то казалось, что его дом заслуживает быть сфотографированным. И вскоре мои ноги вынесли меня из троллейбуса рядом с перекрестком улиц Девятого Мая и Врача Михайлова.

Вдоль улицы имени дня Победы тянулись одноэтажные двухквартирные дома. Под окнами раскинулись заросли из вишен и яблонь. Вдоль асфальтовых тротуаров кое-где стояли древние тополя.

Адрес Паши Конькова темнел буквами по ржавому стальному листу, прибитому под карнизом. Белая краска давно сошла, уступив место ржавчине, однако черные буквы еще сохранились. В палисаднике, заслоняя окна, торчала громад-

ная яблоня и густой вишневый «подлесок». Давно немые стекла слепо глядели на улицу. За низкой калиткой образовался непроходимый газон из аптечной ромашки, лопухов и крапивы. По-другому быть не могло, если в доме давно никто не живет.

Паша ходил отсюда в школу. Потом, повзрослев, занялся собственным бизнесом. Какой у бригадиров бизнес, всем известно. Паша занимался бизнесом, а тем временем один за другим скончались его родители. Квартира, скорее всего, была приватизирована, осталась за Пашей и теперь пугала своим видом прохожих. У богатых так. У них на мелочи жизни времени не хватает.

Я вдруг заметил, что в мою сторону, от противоположного угла палисадника, смотрит какая-то тетка. Пришлось отлипнуть от ворот и двинуться в ее сторону. Наверняка это была одна из соседок Великого Паши.

Однако старуха вильнула к себе в воротца, подставив спину.

– Мне бы о доме узнать! – крикнул я вдогонку старухе. – На секунду всего!

Слово «дом» подействовало на бабку словно кодовое слово: она остановилась и развернулась.

Допрашивать кого-либо, в том числе старух, я еще толком не умел. Впрочем, это могла быть всего лишь обычная беседа – без ручки, бумаги и диктофона. Однако рука у меня тем временем нажала кнопку мобильного, и запись уже пошла.

Вряд ли старуха догадывалась, что я записываю ее голос.

– Здравия желаю, – поздоровался я с бабкой, как если бы она была майором, а я рядовым. И женщина обмякла.

– Слушаю вас, – сказала она, кивая в ответ. – Что вас интересует?

– Понимаете, – продолжил я, – нас интересует, конечно, не дом, а тот, кто здесь жил. Дело в том, что против хозяина возбуждено уголовное дело...

– Так-так, – оживилась старуха. – Слушаю вас, продолжайте.

– Коньков взят под стражу за убийство и причинение...

– Ну как же, – скрипнула старушка, опережая. – Это нам известно. По зиме натворил, паскудник. Пришиб одного до смерти, а другого лишил этого самого. Известно.

– Пятерых, – поправил я. – И теперь думает выскользнуть.

– Опять?! – У старухи округлились глаза. – Наново, значит, собрался... А я-то всё думаю: отчего это Гошка такой задумчивый стал, на работу не ходит, а теперь и вовсе пропал. Жил всю жизнь безвылазно, а тут вдруг намылился.

– Что за Гошка? – удивился я. – Вы что-то путаете.

– Ну, как же... Братец Пашин. Однояйцовый.

Последнее слово женщина произнесла без запинки, как по написанному, и с укором посмотрела мне в глаза. Возможно, она хотела сказать, что знать очевидные истины работники милиции просто обязаны.

– В смысле? – произнес я дурацкое слово.

– В смысле того, что похожи друг на друга, как два шарика от подшипника!

Старуху трясло от смеха.

– Это не я сказала. Это слова их родного папаши. Попробуйте отличить шарики друг от друга.

Я поймал себя вдруг на мысли, что стою с разинутым ртом: у Паши был брат, и об этом никто не знал – особенно Вялов. Он взял Пашу под стражу, провел очные ставки и успокоился. Оно и понятно, поскольку братец никакого отношения к Паше не имеет, потому что не обязан за него отвечать.

– Милиционерам, говорит, никто не поверит, – бормотала старуха, – и брата освободят прямо в зале суда – слышали? Так прямо и говорит, что в зале суда. А что с него возьмешь – дурак и есть...

Мои извилины отказывались понимать. Паша был явным дебилом – тут и спорить не о чем. Но я ошибался, поскольку придурков оказалось двое.

– В дурдоме лежал...

– Кто? – не понял я.

– Да Гоша же,

– А Паша?

– Этот умный у них. Школу на отличие закончил, хотя непоседа был, по заборам любил скакать, из воздушки по воронам стрелял... А тот из психушки не выбирался попервости, как только диагноз поставили. Говорят, у него случился

сдвиг. На почве взросления. Вот он и говорит: если, говорит, убрать свидетеля, то милиционерам никто не поверит... Так и говорит. А что ему! Он же за свои слова не отвечает – так себе, прет окоlesiцу... Услышит и мелет языком.

Соседка, рассказывая о братьях Коньковых, вдруг пере-скакивала на то, что за стенкой у нее теперь кто-то шумит, словно кирпичи разбирают.

– Нет-нет, а потом как начнет шуровать, инда страх берет. И так почти что с неделю. Неужто печку взялся ломать?

– Где же он ходит-то? – вспомнил я про заросший двор.

– А! – махнула та рукой. – Ему же закон не писан... Проломил дыру в заборе и лазит через мой огород. И это еще не всё... – Женщина приблизила ко мне лицо и продолжила: – До сих пор не могу понять, кто из них на самом деле сидит. Сначала будто бы Пашка сидел, а теперь даже и сказать не могу.

Старуха замолчала, прижав ладонь ко рту.

– Через забор, значит, прыгает, – уточнял я.

– В дыру лазит, – поправила женщина. – Я уж отступилась, не стала заделывать: стукнет по голове полешком – и поминай как звали. Он же больной, а с больного какой у нас спрос. Подержут да выпустят.

– И что у него за болезнь?

Старуха замаялась. Точного названия она не помнила. Знала одно, что Гошку держали на «вытяжке» не особо долго: подержут «маненько» – и опять выпустят.

– То ли крыша поехала, – напрягала она мозг. – А может, он ссаялся у них, но точно помню, что в армию он не ходил.

– Значит, не опасен, раз выпускают, – предположил я.

– Какой там! – Лидия Алексеевна взвизгнула. – А забор! А за стенкой шурует! Кирпичами! У нас же дом-то единый! Через стенку живем!.. Не знаю, не знаю, но я бы, допустим, задумалась – для чего кирпичи-то ломать?!

Поговорив еще минут десять, я распрощался с ней. Лидия Алексеевна взяла с меня слово, что милиция непременно задумается над поведением близнеца.

Визит по старому месту жительства не радовал, поскольку психически больной обострял проблему. События последних дней, включая стрельбу, – всё это могло быть делом рук Гоши, с которого как с гуся вода. Отлежит свое в стационаре и снова выйдет.

На остановке я вошел в троллейбус и отправился в РУВД, собираясь поделиться информацией с Вяловым и Блоцким. Скорее всего, они не знали про братца-кролика. Кроме того, хотелось увидеть Петра и заглянуть тому в похмельные очи. Как ни крути, Петька был моим другом, и если бы он спился, то это было бы печально.

Глава 11

Блоцкий оказался на месте. По привычке он ругал существующий порядок вещей. Ему не нравилось, что сведения из двуногих источников приходилось выуживать едва не клещами.

– Прикинь, – говорил он, – никому это не надо. Ни куму, ни свёкру.

– В смысле? – не понял я.

– В смысле, что надо ехать в следственный изолятор, чтобы узнать, кому выдавал арестованный доверенность на продажу собственного дома.

Оказалось, на телефонные звонки тюремное начальство отвечать не желало. Оно даже слушать не хотело оперативника Блоцкого.

– Короче, поедешь со мной, – решил за меня Блоцкий, – а то у меня машина без сигнализации. Только туда и обратно.

Блоцкий рассмеялся. Он собирался меня использовать вместо сигнализации, и это обстоятельство, как видно, его веселило.

– Кого из нас преследуют? – спрашивал он. – Может, меня? Или всё же тебя?

Отвечать на дурацкие вопросы не было никакой охоты, и я согласился ехать. И вскоре уже торчал на Волжском мосту, как винная пробка в бутылке. Черета машин образовала

гигантский хвост, он начинался от Заволжского косогора и длился на протяжении нескольких километров.

Включив передачу, Костя проехал метра два и, остановившись, стал ругать мост. У нас не найти человека, кто бы не делал этого почти ежедневно, поскольку ездить через мост из-за его низкой пропускной способности стало практически невозможно, тогда как новый мост, заложенный в прошлом веке, до сих пор стоял недостроенным.

– Отсебятину придумали, – ворчал Костя, перекинувшись на тюремное начальство. – Прикинь, ведь ничего не изменится, даже если об этом узнает чужой человек. Выдавал Паша доверенность или нет? Это же не государственная тайна. Короче, им лень рыться в документах.

Костя опустил стекло дверцы, прохладный речной воздух с напором пошел в машину. У меня сразу же заledenели уши: Волжское водохранилище прогревалось лишь к середине лета, и данное обстоятельство сильно влияло на местный климат.

– Нам бы только узнать, кому он доверил продажу, – бормотал Блоцкий.

Автомобильная пробка с трудом рассосалась, и мы, пройдя мост, наконец поднялись в город. Два поворота налево, один направо, и машина остановилась возле следственного изолятора.

– Сиди тут, – сказал Костя и скрылся за дверью, над которой висела бордовая табличка госучреждения.

Возвратился он почти через час – как раз в тот момент, когда я уже проклинал себя за то, что согласился ехать.

– У самого дел по горло. Диплом на носу, – ворчал я, не обращая внимания на возгласы Блоцкого.

Однако тот не слушал меня, рассуждая о своем. В итоге до меня дошло, что арестованный по фамилии Коньков никаких доверенностей от своего имени не подписывал.

– Как то есть не подписывал? – удивился я. – В газете порусски написано о продаже коттеджа.

– Так и не подписывал. Начальник СИЗО доверенность не заверял. Ее в глаза никто не видел, бумажку эту. Он там вообще теперь под кроватью спит – прикинь! И заявляет, что в тюрьме зреет заговор с целью свержения власти. Якобы кто-то решил завладеть учреждением на вечные времена. Это же полный дурдом получается.

В дурдом я не верил. Паша решил прикинуться, чтобы уйти от правосудия либо отсрочить момент расправы. По закону ему полагалась высшая мера. Свобода ему не светила последние лет полтора.

– Может, и правда крыша съехала? – размышлял Блоцкий. – Такое бывает. Сидит человек, молчит – и вдруг пошел молоть чепуху...

– Но кто-то ведь дал объявление. Без участия Паши вряд ли можно продать коттедж.

– Действительно, – согласился Костя. – Без Паши тут не обойтись. Поэтому, учитывая весь этот спектакль, уши на-

до держать востро. «Продам!» – а сам под кровать. Где тут логика? Да и паспорт мы у Паши так и не изъяли. Говорит, потерял...

По спине у меня пробежала жгучая волна, остро ударив в копчик. И тут же заныла армейская рана. История с доверенностью не нравилась мне еще больше. От нее исходил нехороший дух. Кто-то неизвестный дал в газету объявление о продаже Пашиного дома, тогда как хозяин валялся в камере под кроватью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.